

ЛАРИСА СОБОЛЕР СОБОЛЕР

ДЕТЕКТИВ ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

СЕДЬМОЕ НЕБО В РАССРОЧКУ

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ С ПРОШЛЫМ,
ВОЗМОЖНЫ НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ...

Лариса Соболева

Седьмое небо в рассрочку

«АСТ»

2014

Соболева Л.

Седьмое небо в рассрочку / Л. Соболева — «АСТ», 2014

ISBN 978-5-17-079449-2

История двадцатилетней давности безжалостно вторгается в относительно благополучную жизнь героев. Ксения и Шатунов знакомы с давних пор, и их связывает не одна тайна. Встретившись когда-то, они оказались друг для друга судьбой. И вот теперь Ксении грозит опасность – она слишком близко подобралась к раскрытию давнишнего преступления. Но кому-то это очень не нравится. Шатунов пытается спасти ее, но опаздывает, сам едва не попадает в западню и понимает, что их... заказали. Он пытается выяснить, кто за этим стоит, чтобы отомстить за смерть Ксении. Но... там, где настоящее переплетается с прошлым, возможны неожиданные повороты судьбы...

ISBN 978-5-17-079449-2

© Соболева Л., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Часть первая	5
1	5
Простой такой парень	9
2	11
Святая к женщинам любовь	12
3	17
4	22
5	28
Часть вторая	37
1	37
Звезда его очей	38
2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Лариса Соболева

Седьмое небо в рассрочку

Часть первая

Ночь длиннее века

1

Из динамиков негромко раздавались оперные голоса. В трудные минуты, которыми так богата наша жизнь, Шатунов слушал великих классиков, и эту его причуду уже никто из окружения не воспринимал ни сдвигом по фазе, ни показухой. Сейчас как раз один из нелегких моментов, только он этого не показывал – еще чего! Не сводя рентгеновских глаз с дочери, Шатунов отпил пару глотков фруктового сока, потом без красок в интонации, идя вдоль бильярдного стола и отыскивая удачный шар, сказал:

– Назови хотя бы одну причину, по которой твоя идея должна стать моей.

– Возраст, папа, возраст.

Если б не знать Шатунова, а только слышать фразу дочери и ее тон, то по вложенному смыслу можно подумать, будто папа – ржавый гвоздь из сломанной телеги. А это далеко не так. Он не развалина, отнюдь. Насмешливо покосившись на Сабрину, Шатунов неторопливо отпил сока, поставил высокий стакан на зеленое сукно и ласково промурлыкал:

– Бабы, с которыми я сплю, младше тебя, доченька.

Ах, ах... Он оскорбил слух двадцативосьмилетней девочки, что стало заметно по сведенным к переносице бровям на ее чистом челе весталки и гадливому выражению. Как же, как же – бабы... младше... секс... Папа и секс – понятия, не совместимые в ее представлении. Деньги и он – нормально, но не секс, нет. Это просто курам на смех. С провокационной усмешкой Шатунов ждал, какой выдаст контраргумент его благоразумная дочь.

– Пора думать о здоровье, – внушала ему Сабрина, – ты забываешь, что уже немолод. Папа, тебе пятьдесят три! Это сложный возраст. К тому же твоя комплекция, извини, располагает к покою и уравновешенному быту, а не к состязаниям в спальне.

Неужто дочь собирается уравновесить его быт, наложив запрет на состязания в спальне? Да-а, девочка совсем потеряла чувство меры, а ежели по-простому – обнаглела. Сказались пять лет без отцовского глаза, когда некому было втолковать ей, что рот открывать стоит только в одном случае: предварительно хорошенько подумав. Но пора отставить шутки в сторону, надоело.

– Тебя мать прислала? – кинул он прямой наводкой вопрос.

– Я по собственной инициативе, – выгородила Сабрина родительницу с поспешностью, которая продала ее с головой. Она это поняла, попыталась исправить оплошность: – С мамой я предварительно провела работу, она не против... то есть... в принципе согласна... так что слово за тобой.

А он готов был принять на грудь спесивое чадо, тем самым внести потепление в их отношения! Не случилось. И уже, наверное, не случится никогда. Она же солгала. Это явственно читалось в глубине ее зрачков, в которых, как в воронке, крутился водоворот немереных желаний. Благодаря природной интуиции, а также наблюдательности, Шатунов научился распознавать правду от неправды.

– Не поздновато ли твоя мама решила ко мне вернуться?

– Ничего, люди женятся, расходятся, снова сходятся, – по-житейски здраво рассудила Сабрина. – Неужели ты еще не понял, что лучше никого не найдешь?

– Стоп, стоп, дорогая, – снисходительно улыбнулся он. – Говоришь так, будто я ее бросил...

– Ты. (А куда ей отступать?) Ведь ты ушел от нас.

Это один из неновых приемов подчинить – навесить комплекс вины и при любом удобном случае напоминать о нем, закрепляя успех. А Шатунов в процессе жизни выработал стойкий иммунитет к манипуляторам, потому не поддавался на провокацию.

– Доля истины в твоих словах есть, но доля, – сказал он и ударил кием по шару. – К тому же такая маленькая, что без лупы ее не разглядишь. Я вынужден был уйти! Между прочим, ушел в одном костюме. Спортивном. Без чемодана – да. Все оставил, как она хотела.

– Тебе показалось, будто она этого хотела. В каждой семье бывают взрывоопасные периоды, люди находят компромиссы...

– Н-да, показалось, – хохотнул он, целясь в шар. – Поэтому твоя мать за двадцать лет не нашла времени объяснить, что же именно мне показалось, а спокойно прожила это время с другими мужиками. Сколько у нее их было? Десять? Двадцать? Или ты не считала?

Он выпрямился и в упор рассматривал Сабрину, будто искал новые черты. Это так, искал. Его дочь от первого (законного) и, по воле судьбы, последнего брака не виделась с родителем пять лет! Не звонила, не передавала приветов пять лет! Всему виной кровная обида: папа обласкивал сводного брата, безмерно баловал мальчика, тогда как на ее долю выпали строгости с ограничениями. Однажды она прямо заявила о своем праве на первенство, мол, я твоя законная дочь, где обо мне забота, где стройка века – мое будущее? Папа не опустил до напоминаний, что оставил ее маме дом, в котором смело можно строить будущее обеим, что алименты давно выплатил, а деньгами снабжал регулярно... Много нашлось бы возражений, да Сабрина не стала слушать, отбарабанила каблуками к выходу. Надеялась воспитать отца, лишив его смысла жизни – общения с собой. И целых пять лет не показывалась! Ну и выдержка у нее... отцовская, надо признать!

Итак, ее мамочка не рассчитала, до каких высот взлетит Ленька. Теперь бывший муж бездумно тратит свои миллионы, тогда как она могла бы помочь их сберечь, взяв под контроль дурака Ленчика, его банковские счета, предприятия, дом. И доченьке не терпится положить когтистую ручку (ногти у Сабрины длиннее пальцев!) на папины бабки или хотя бы помочь потратить с выгодой для себя. В общем, это заговор двух когда-то любимых им женщин. Неожиданно для дочери он повернул диалог в обратную сторону:

– Почему ты до сих пор не замужем?

– Что? – потерялась она.

– Замуж почему не вышла? – перефразировал вопрос отец. – Двадцать восемь лет, умная, образованная, красивая. Ну, красотой ты в мать, тут уж я не претендую на первенство. Так почему ты не замужем?

Да, она в мать: те же пышные белые волосы волнистым водопадом падают до лопаток, та же шея, плавно переходящая в плечи, тонкая талия, выступающая грудь и личико красотки из модного журнала. Нет, Сабрина красивей, она же еще и дочь, а дети видятся родителям почти небожителями.

– При чем здесь я, когда речь идет о вас с мамой? – с упорством маньяка гнула она свою линию. – Вы мне оба не чужие, оба дороги, я бы хотела видеть вас вместе.

«Я, мне, хочю...» – сколько любви к себе в одном коротком предложении! Шатунов уложил кий на бильярдный стол, накинул на плечи пиджак и, ничего не сказав, двинул вниз по лестнице. Сабрина некоторое время стояла в раздумье, но, опомнившись, побежала за ним, уже неуверенно лопоча доводы:

– Понимаю, мое предложение как снег на голову, но ты подумай. Одному встречать старость – а она не за горами – малоприятное занятие. Тем более ты сам сказал: мама была красива... Она и сейчас красивая, больше тридцати девяти ей не дают, а с эффектной женщиной не стыдно показаться где угодно...

Шатунов поднял плечи к ушам, что означало: почему я должен слушать ахинею? Чтоб угодить дочери и вновь ее не потерять? А он ею дорожит?

– Сколько тебе дать денег, чтоб больше не слышать ни звука о твоей маме? – бросил через плечо Шатунов.

– Нисколько.

Конечно, ее не устраивает слово «сколько», ограничивающее желания, следовательно, урезающее возможности! Ей нужно все – это очевидно.

Шатунов развернулся. За долгую и, надо сказать, весьма нелегкую жизнь он научился говорить слово «нет» в категоричной форме. И научился выметать из своего бунгало всех, кому мечтается сделать из него марионетку.

– Запомни, детка: чтобы что-то получить, нужно заработать... – начал преподавать запоздалый урок дочери-свахе Шатунов.

Он собирался высказать все, что думал по поводу идиотской затеи, а также самой Сабрины и, главное(!) – ее неподражаемой мамочки, но! Раздался звонок. Первые трели – и Шатунов мгновенно забыл, в каком измерении находится, где пол, а где потолок.

Эта мелодия стоит на единственном номере, ее он ждал всегда: во сне, наяву, утром, днем, среди ночи. Засыпал и надеялся: вдруг позвонит. Нет звонка? Огорчение сменялось надеждой: может, завтра... или послезавтра... ну, через неделю обязательно... И так много дней, месяцев, лет. Имени как такового нет в адресной книжке телефона, оно обозначено одной латинской буквой – Z, то есть zero. А zero означает... правильно, ноль. В этом есть особый смысл.

Шатунов вынул из кармана мобильник, а как при этом запрыгало сердце! Сглотнув, он сказал в трубку:

– Слушаю. – И замер, боясь не расслышать или пропустить хотя бы слово. Да что слово! Малейший оттенок в интонации не хотел пропустить и не пропускал, угадывая настроение на другом конце провода.

– Ленька, это я...

Присутствие дочери мешало ему говорить, сдерживало, это та часть его жизни, которой он не хотел делиться ни с кем. Но Сабрина и не подумала уйти, хотя он взглядом требовал: да уберись же ты отсюда!

Перемены в папе, произошедшие за миг, равный по длительности вспышке молнии, не могли не заинтриговать дочь, в глазах которой пульсировал вопрос: кто посмел перейти нам с мамой дорогу? Увы, женщина женщину чует за много километров. Казалось, и ушки Сабрины активно зашевелились, ловя сигналы из трубки, что вынудило Шатунова сказать в мобильник с минимальной холодностью, но это исключительно для дочери:

– Я слушаю тебя.

– Ленька...

Неужели всхлипнула?! Странно, странно. Шатунов видел ее слезы всего раз в жизни, это было давно, иногда казалось, тогда они привиделись. Но не об этом надо думать. Она всхлипнула! – значит, случилась беда, по-другому быть не может. Да, что-то не так. Обычно она четко, без вступления говорит, где и когда...

А как в груди-то заныло! И нечто напряженное перелетело расстояние, передалось через трубку Шатунову, рассеяв надежды на скорое, пусть короткое, как это обычно случалось, свидание. Он забеспокоился и, никогда ранее не называя ее имени во время диалогов по телефону, вдруг крикнул в трубку:

– Ксюша! Ксюша, что там у тебя? Что?!

– Не кричи, – тихо сказала она, хлюпая носом. – Я звоню тебе... потому что... мне...

Снова: хлюп-хлюп. Шатунов терял терпение:

– Ну!

– Потому что мне сейчас страшно, Ленка... – выпалила она срывающимся шепотом. – Очень-очень страшно...

– Страшно? Почему? Что тебя напугало?

– Эти люди... я их видела...

Шатунова подстегнули интонации, слезы, сиюминутный ужас, который она переживала, но который проник в него и осел где-то в паху. Он чувствовал эту женщину, как самое себя, даже если б их разделял океан или космическое пространство, Шатунов, как антенна, принимал бы радиоволны, исходящие от нее. Он рванул по лестнице вниз, уверенный, что там, где она сейчас находится, дела плохи, а значит, ему немедленно нужно к ней. Но где она, что конкретно случилось?

– Какие люди, Ксюша? Кто они?

– Кто? А я знаю! Но знаю, зачем пришли... За мной... И мне... страшно...

К этой минуте он был уже внизу, машинально начал надевать пиджак, да никак не попадал в рукав. И сердце прыгало не в такт. Тоже от страха. Интуитивно он угадал наступающие перемены, которые относят к крупным минусам. Шатунов готов сделать все, от него зависящее, чтоб отвести любое бедствие от Ксении. И, еще не зная, в чем должна заключаться помощь, он завертелся на месте в поисках решения, словно оно должно находиться под ногами: на полу, на стуле... где-нибудь рядом! Подсказка обязательно есть, нужно только увидеть ее.

Ксения плакала. Тихо, без истерии плакала.

Рука так и не попала в рукав пиджака! В сердцах Шатунов отбросил его в сторону, без него же удобней. А сколько ненужного в этот миг носилось в голове! Ненужного, мешающего принять решение, ведь что-то надо сделать немедленно. Заметив в кресле водителя, он судорожно прищелкнул пальцами, привлекая его внимание, и коротко бросил:

– Внедорожник подай!

– Зачем? – как будто очнулась Ксения, тем не менее ее голос остался тусклым. – Это глупо. Сам знаешь, что не успеешь. Ленка, у нас есть несколько минут, пока они доберутся... не стоит их тратить... Поговори со мной... Пожалуйста, поговори!

– Конечно, конечно... Ксюша...

Взглянув на часы – стрелки показывали тридцать восемь минут двенадцатого, – Шатунов побежал в кабинет, перескакивая через три ступеньки. Он ни на секунду не усомнился в ее словах, хотя толком она ничего не рассказала, но разве обязательно нужно говорить? Опасность улавливается подсознанием, в такие моменты каждым нервом, каждой клеткой чувствуется тот час, за которым не остается ничего...

И как перед ликом смерти, перед глазами Шатунова, видевшими сейчас все ничтожные мелочи: коридоры, ступеньки, дверные ручки, след от гвоздя на стене, который не успели замуфлировать, – параллельно отчетливо неслась его жизнь. Он видел себя со стороны только заново и в ускоренном темпе. Миллион раз об этом слышал, а впервые испытал на себе, хотя не раз Косая прохиндейка подбиралась к нему и скалилась, протягивая костлявые щупальца, дескать, дай я тебя обниму. А он удачно выворачивался из ее смертельных захватов, все равно было не до ностальгических воспоминаний. Но может быть, тогда не настал час, которого ждут и боятся все? А что такое Ксения? Часть его самого. Без нее все закончится и для Шатунова, значит, это и его час...

Простой такой парень

Кто уж там распоряжается людьми – неизвестно, но Ленчику хотелось, чтоб тот могущественный властелин был более справедливым и щедрым. Одним он дарит фигуры с физиономиями – залюбуешься, других, как Шатунова, сотворил из вторсырья, по остаточному принципу, обтесав кое-как затупившимся топором. От предков по наследству ему не досталось ни исполинского роста, ни фигуры, ни обворожительной рожицы, ни даже талантов, да и денег в карманы родители не насыпали. Короче, Ленька маленько бракованным получился.

И что же делать личностям ниже среднего уровня в этом привлекательном мире, где соблазнов больше, чем звезд на небе? Никто не знает, нет? А он догадался: только стать первым во всем! Обходить тех, кому сама природа выстелила дорожку к славе, почету, уважению и богатству. На это нужны силы, извилины под черепашкой и маниакальная жажда изменить себя, соответственно выпрыгнуть из того круга, в который толкнула судьба с рождения.

Итак, закончив девять классов на стабильные отметки – тройки, он успешно поступил в ГПТУ. Были, были такие заведения, в народе аббревиатура расшифровывалась нелестно: Господи, Помоги Тупому Устроиться. Разумеется, контингент учащихся – сплошь из неблагополучных семей и светила им в жизни одна на всех дохленькая звездочка. Не составляло труда представить основные вехи: однообразная работа от зари до зари, женитьба на такой же девахе из гэпэтэушниц, затем дети-внуки, далее пенсия, в лучшем случае с пятью сотками огорода, который назывался престижным словом «дача». И паши на ней, пока копыта не откинешь, излишки тащи на рынок.

А Леньке хотелось летать повыше. С интеллектом у него был порядок: он умел поддерживать разговор – радио-то слушал, когда заглатывал завтрак, да и телик смотрел. Между прочим, со школы помнил того же Гоголя с Толстым и чего они от скуки настрочили; читать – не читал, но названия книг и примерное содержание знал, нынешние школьники и этим похвастать не могут. И хотя имел более-менее подвешенный язык, Ленчик понимал, что маловато оснащен, а побед жаждал, в первую очередь над женским полом. Разумеется, не гэпэтэушницы его привлекали, свои легко доставались, потому не ценились, к тому же мало в них было интереса: койка да выпивка, еще танцульки, вместо мозгов у них там прическа.

Не-ет, Ленька присматривался к настоящим девчонкам – красивым, умным, образованным, правильным, одевающимся не в кричащие тряпки. Но с его воспитанием, в котором принимали участие любимые родственники, знающие всего два языка – матерный и немного русский, а истину рождали не в спорах – исключительно на кулаках, далеко не уедешь. Однако в распоряжении Леонида наличествовали те самые извилины, которых очень многим не хватает, потому он задумался: что и как в себе поменять?

Первое – одежду. Нет, ну, правда: встречают-то по одежке. Просить денег у предков бесполезно – им неоткуда взять, вечно занимали трешку до зарплаты, значит, следовало зарабатывать. Отпахал Ленчик грузчиком пару недель и решил, что данная стезя для совсем конченных, здоровье только угробишь, заодно отупеешь, а денег как не было, так и не будет.

Пронырливый паренек изрядно попотел, прежде чем влиться в ряды тогдашних коммерсантов под общей подпольной фирмой – фарцовщики. Спекулянтов гоняла милиция люто, но риск оправдывал себя, Ленчик поправил материальное положение, прибарахлился, напялив сплошной импорт, и... на юношу стали поглядывать с любопытством девочки из его грез! Это несмотря на коренастую и непропорциональную фигуру (хотя со спортом он дружил, имел приличные бицепсы), несмотря на средненький рост и лицо бульдога, скрещенного с дворянкой бездомной стаи. Стоп, стоп! Бульдог – псина породистая, стало быть, дело не в красоте. А секрет прост: чувак, способный содержать себя на уровне дипломата, вызывал уважение.

Однако следовало каким-то образом и обкультуриться. Когда его заносило (от рождения он темпераментный и взрывной), Леонид вовсе не соответствовал шикарному джинсовому костюмчику и дубленке с пыжиковой шапкой. Из него во всей красе лезла Погореловка – район в городе, сравнимый разве что с зоной.

Познакомили Леньку с бабкой, она шарила «в поведении на людях» и много открыла тайн. К примеру, научила пользоваться ножом во время еды, не жрать, а кушать, не ковырять спичкой в зубах, когда другие едят, что делать с салфетками и т. д. Конечно, Ленчик сообразил бы, как одновременно орудовать ножом с вилкой, понаблюдав за другими, но времени ушло б много, к тому же неудобно, если вокруг едят, а ты сидишь и по сторонам зыришь. В общем, нахватавшись азов за десяток уроков, он решил: хватит, дальше соображать буду по ходу концерта.

И что же? Вроде и с культурой стало нормально, а девчонки после второй-третьей свиданки потухали да мягко эдак намекали, что в дальнейшем будут заняты до глубокой старости. Не понимал Ленчик, что им не так, чего им надо? Безусловно, злился, а как иначе?

Но однажды случайно услышал мнение о себе от очередной кандидатки в подружки. Она дала ему от ворот поворот не напрямую, конечно, но он понял. И пошел. Да вспомнил, что забыл на подоконнике в музыкальном классе шапку с кожаными перчатками – девочка училась не где-нибудь, а в музыкальном училище! Ленчик вернулся, приоткрыл дверь и услышал, как ее однокурсница спросила:

– Что это за тип был?

– Быдло, – коротко ответила та.

Слово емкое и знакомое, главное, с собой у Ленчика не ассоциировалось. Обидное слово. За него недолго и по морде схлопотать, как и за вопрос: «Что это за тип?» Что, а не кто! И совсем уничижительно ударило по ушам «это». Будто Ленька ни то ни се, неодушевленный предмет. Следовало бы обеим... Но он, извинившись, гордо вошел в класс, забрал шапку с перчатками и отчалил. Как давно это было...

2

А в настоящем Шатунов быстро и нервно выдвигал ящики бюро, шарил рукой внутри, чертыхался, одновременно говорил в трубку:

– Ты где?.. Ксюша, скажи, где ты сейчас?

– Ну, скажу, и что? – вымолвила она дрожащим полусшепотом. – В загородном доме, как видишь, далеко. Убежала на третий этаж, оттягиваю свою смерть. Глупо... Все в этой жизни у меня получилось глупо. Жаль!

И неудачно в данном контексте хохотнула, после мизерной паузы она шмыгнула носом, вздохнула. А Шатунов перебирал варианты срочной помощи. В голову ничего не пришло, кроме дурацкого упрека:

– Надо было сразу в ментовку звонить!

– Полиция далеко, а эти близко. Они так близко, Ленка, что у меня шевелятся волосы. Лучше последние минуты я с тобой... потреплюсь. Должна же я сказать тебе...

– Есть еще, где спрятаться? – перебил Шатунов, понимая, что третий этаж – не потайная комната, где можно переждать нашествие. – Надо немного потянуть время, я все же попробую...

– Приехать? – прошипела она, а через секунду взяла тон командующего армией во время боевых действий, притом не повысив голоса: – Не смей этого делать! Не смей!

– Дура.

Только в четвертом ящике он нашел пистолет, а то уж думал, его стащили. Рядом кто-то глухо вскрикнул, Шатунов вскинулся, а, это его дочь с испуганными глазами, глядевшими на пистолет, пытается что-то сказать.

– Хочешь, чтоб и тебе досталось? – тем временем огрызнулась Ксения в трубке. Это в ее характере: чуть что – огрызается, и смертельная обстановка не помеха.

– Ты еще здесь? – рявкнул он Сабрине, сунув пистолет за пояс. – Мне не до тебя!.. Ксюша, это я дочери... Так...

Шатунов потер лоб, остановившись, будто сороконожка, вычисляющая, с какой ноги следует делать главный шаг, чтоб не запутаться.

– Может, это грабители? – блеснула в его сознании надежда.

Грабители не столь опасны. Они не полезут в дом, где есть люди. А уж убийцы среди них – скорее досадное исключение, чем правило. Впрочем, нынешние преступники не особо соблюдают свой профкодекс, но надежда... Надежда слаще конфеты.

– Поэтому в масках и крадутся, как рыси по веткам? – возразила Ксения. – Нет, Ленка, я сразу поняла... кожей почувствовала...

– Да что ты могла в темноте разглядеть?

Он бежал вниз, держась за грудь ладонью, как будто страхуя собственное тело от разрывов. Потому что там, внутри, сердце барабанило, вырываясь наружу, там все клокотало и вибрировало. Шатунов неожиданно услышал тон сдавшегося человека, хотя всего секунду назад она была той, которую он знал давно:

– На нашей даче светлей, чем на главной улице города в это время суток. Я видела трех человек. Случайно заметила. Это как кино про ниндзя... Помнишь, смотрели с тобой штук пять подряд?

– Помню, я все помню, – подхватил он. Сейчас главное – отвлечь ее от подавляющего ужаса, пробудить в ней желание сопротивляться, стало быть, заставить подумать, как спастись.

– Мы хохотали... а сейчас не смешно. Люди в черном перебегают от дерева к дереву, окружая дом... таятся... не спешат. На помощь звать некого, я одна в нашем поселении...

Представь, побоялась выйти из дома с другой стороны, вдруг и там три-четыре ниндзя? Я попала б им прямо в лапы и уже не говорила бы с тобой. Ленчик...

– Ты спрячешься, Ксения?

– Куда? На крышу? Не вылезу туда.

– Ну куда-нибудь! – взревел Шатунов, преодолевая дорожку от дома к воротам, где стоял джип. – Придумай, черт возьми!

– Ленька, я в ловушке. Не знаю, как это получилось, но... сама себя сюда загнала.

Он бегло глянул на циферблат часов, а прошло три минуты, всего три!

– Ты только продержись, забаррикадируйся... – внушал Шатунов. – Ствол у тебя есть?

– Есть... По дороге захватила...

– Если что – стреляй.

– А ты думал, я им отдамся? Не-ет, одной туда уходить неохота, в компании... приятней...

– Вот и хорошо. Стреляй, не бойся, я тебя от всех отмажу... Только продержись, скоро буду... Уже еду...

Сидевший за рулем водитель толкнул дверцу со стороны пассажира, догадавшись, что для шефа сейчас каждая секунда дорога...

Святая к женщинам любовь

Теоретически после психологической травмы юнцы становятся в позу женоненавистника и с упорной жестокостью мстят женскому полу за унижения, мстят, пока не надоест. Но теория с практикой редко стыкуются. Как отомстить, если ты не герой сентиментальных романов?

Ленчик собрал свои разнокалиберные шарики в лобную полость и заставил их анализировать: в чем дело, почему он быдло? Не вызывало сомнений, что и до привередливой музыкантши девчонки по той же причине отказывались от него. Причина-то понятна, а ее суть – нет. Подсказать было некому, понаблюдать не за кем.

Но он находчивый, подобрал обучающую программу – заграничные киношки, которые смотрел по виду ночи напролет. За эти просмотры, если б пронюхали органы, тюрьмой обеспечили б на долгие годы, но где ж еще было узнать мир? Не тот, который понарошку, – его навязывали повсюду, он вызывал нездоровую отрыжку, а потайной, мир человеческих тайн? О нем ни в школе не преподавали, ни дома не рассказывали. Дом вообще не стоило б упоминать, Ленька мечтал от него отпрыгнуть на самую длинную дистанцию.

В конечном итоге усилия оказались напрасными, ответов на поставленные вопросы не получил, зато неплохо развлекся, ведь жизнь была скучна и бедна во всех отношениях. Заодно Ленчик усвоил, что женщины обожают силу, эту мысль подтверждали соседи: он напьется и лупит ее от всей пьяной души, она потом сидит с матерью на кухне и ревет в голос: «Люблю я его, гада-а-а!» Да и мать с отцом как заляют за воротник (а заливали частенько), так разборки устраивают, но после мордобития милуются, и трудно найти более гармоничную пару. Стиль жизни у них был такой, Ленке он не подходил, хотелось чего-то красочного. А какие краски в пьянках, разборках и похмелье? Кулаки нужно держать в карманах, а силу загонять внутрь, при всем при том женщина должна знать, чувствовать: чуть что – получит. Еще Ленчик подметил: слабый пол обожает внимание в виде подарков, цветов, походов в кинотеатры, вывод в большей степени он сделал из личного небогатого опыта.

На том этапе познание себя и непонятных длинноволосых сущностей в юбках закончилось, так как, образно говоря, его позвала труба. А труба зовет – собирай вещмешок, натягивай кирзовые сапоги с гимнастеркой и два года, будь любезен, отпашь бесплатно в стройбате – именно там служил Ленчик. Что два года тюрьмы, что армия – одно и то же, только в первом случае залетают за преступления, во втором – за то, что родился пацаном. Но двухлетний

армейский срок оказался отличной школой, там быстро выросли, повзрослел и Ленка, многому научился, многое понял, вернулся мужчиной в полном смысле.

Не расслаблялся, сразу на завод двинул, закатал рукава... Вскоре понял: не то. Скучно, бесперспективно, отпашешь лет пятнадцать, тогда, может быть(!), квартиру получишь. Да Ленчик на заре лохматой юности фарцей и то больше зашибал.

Кинул он завод и устроился кочегаром: сутки дежурит, двое-трое отдыхает – а это драгоценное время, которое тратилось на добычу денег, действительно больших денег. Нет, Шатунов не бросился махать ножом и пистолетом, в те времена об этом страшно было подумать, он вооружился до зубов значительно позже.

Ему прочистили канал в Астрахани, на своем горбу Лека Шатун таскал по двадцать кг, а то и по четверти центнера «грязи» – черной икры на браконьерском жаргоне. Бизнес был еще тот, за него схлопотать можно было пятнашку с конфискацией имущества – максимальный срок, дальше присуждалась вышка, то есть расстрел. Возвращался Лека электричками, в них реже менты появлялись, но иногда появлялись и тогда он срочно шел курить, наблюдая из тамбура – подойдут к его рюкзаку или мимо пройдут. Если подходили, Лека топал в другой вагон, попрощавшись с рюкзаком навсегда. Правда, товар терял он редко, чаще привозил, деньги получал за него сразу – у Ленки были свои точки сбыта, где только и ждали икорки. Две-три штуки навару за ходку – каково? Такие бабки накануне смерти СССР мало кому снились, учитель со стажем получал полторы сотни в месяц, считая себя стабильно обеспеченным человеком.

Имея деньги, Лека Шатун завоевывал женские сердца без особого труда. Надо сказать, девушки были не падки на деньги; хотя встречались и алчные, но приличные девушки (те самые, из мечтаний) хотели любви. Кто же даст им больше любви, как не щедрый человек, а? Если цветы, то Лека дарил их охапками, если украшения, то золотые, если шмотку, то фирменную – от фарцовщика. И она в отпаде, потому что понимала: он ради нее мордой в грязь упадет. Неважно, что налицо помесь неизвестных пород, что парень не шибко образован и культурен, – дело наживное. Главное, не скупердяй, умеет любить, искренен, добр. А Шатун на гребне волны эпохальных побед вошел в азарт и менял девчонок, как носовые платки, наконец приобретя мужскую уверенность.

И вдруг она! Белокурая, тонкая (где положено), статная, умная и прекрасная, словно царевна из песни. Во всяком случае, строга и надменна оказалась, будто и впрямь царского роду-племени, когда заметила, что Шатун преследует ее по пятам.

– Я замужем, – вздернула до небес маленький носик Тата.

– Ну и что, – ухмыльнулся Ленчик. – Отобью.

Смерив его презрительным взглядом, Тата величественно проплыла мимо, играя ягодичками. Казалось, все люди обязаны уступить ей дорогу... нет, упасть ниц перед ней и непременно удариться лбом об асфальт. Но это раньше Ленчик немел от восторга и плелся за мечтой на ватных ногах, в двадцать пять он уже выработал шаблонный план действий, уверившись, что настойчивость и щедрость даже из врагов делают друзей. Если же ухищрения не действовали, Шатун расставался с мечтой и отправлялся в свободное плавание, но Тата была не тот случай.

Тату он решил взять измором и не просто в постель положить, а сделать женой – во как! Планы-то настроил ого-го какие, жене в них выделялось особое место, ему подходила Тата. Выяснил про нее все: где живет и работает, кто муж – право слово, красавец, тем более она стала желанной добычей. Ленка постоянно попадался ей на глаза, где б она ни появлялась, чему не мешал муж, который и врезать-то надоедале не посмел, потому что интеллигент вшивый.

В день ее рождения Шатун приехал прямо на работу, в качестве подарка привез ровно двадцать семь отборных роз (столько ей исполнялось). Если учесть, что из богатого ассортимента флоры круглый год купить можно было лишь гвоздики, которые продавали мужчины

в кепках-аэродромах на городских улицах, розочки выходили, прямо скажем, золотыми. К букету прилагалось колечко с изумрудом и тремя брюликами – все, Тата пала на кровать, как падали неприступные крепости после длительной осады к ногам заклятых врагов. Потом был ее развод, женитьба, вскоре появилась дочь. Тата – само чудо, и чудо не желало мириться с простецкими русскими именами, но Анжелик уже было полно по городам и весям, посему дочь назвала она неординарно – Сабриной.

На этом идиллический отрезок резко оборвался. Он был коротким и оптимистичным, вселял уверенность, что дальнейшая жизнь потечет в ослепительно-ярком свете праздничных фейерверков. Но чем замечателен миг – так это сиюминутностью, которая всякий раз будет иной, чем предыдущая. Возможно, впереди ждут более яркие события и счастливые минуты, но «сегодня» и «сейчас» не поймаешь, они ускользают в прошлое. Не исключена вероятность, что воспоминания о них останутся самыми теплыми и ностальгическими, а чаще случается наоборот – такова жизнь.

Ленчику следовало наслаждаться теми мгновениями, которые падали на него, ведь пройдет немного времени, и судьба начнет испытывать его на прочность, да как! А он, глупый, заботясь о семейном благополучии, строил планы и огромный дом, не замечая, что творится под боком. Дом достроил, планы, в общем-то, осуществил и даже с лихвой, только вот Ленчика настиг удар, откуда он не ждал...

– Папа!

Когда слышишь вопль недорезанного поросенка, к тому же охрипшего от визга, невольно обернешься. Обернулся, забираясь в джип, и Шатунов, увидел дочь, о которой позабыл, скороговоркой без пауз выпалил:

– Чего тебеяспешу!

– Папа... – прошептала она испуганно. – Куда ты? С пистолетом... Зачем? Уже ночь на дворе...

Ответить – откуда на это время? Шатунов скрылся в машине, даже не кинув дочери ободряющего взгляда, мол, не беспокойся, со мной будет полный порядок. Трубку отец так и держал у уха, Сабрине удалось услышать приказ водителю:

– Звони всем, чтоб срочно ехали в Пухово. Ксюша...

И дверца захлопнулась одновременно с рывком автомобиля вперед.

Надув губы, Сабрина нервно нажимала на кнопки мобилы, глядя в хвост джипу. Мама ждала ее звонка, не прошло и нескольких секунд, как она выпалила:

– Да, я слушаю, Сабрина.

– Разговора по душам не получилось. Ему позвонила женщина, он сорвался, как полоумный, и умчался к ней.

– Сорвался? Странно, по моим данным, у твоего отца никого нет... А что за баба?

– Понятия не имею. Зовут Ксения. Может, знаешь, кто она?

– Догадываюсь. Любовница.

– У отца есть любовница? Пф! Никогда бы не подумала.

– Не фырчи, твой отец имеет универсальное достоинство на все времена: деньги!

Сабрина с горечью усмехнулась: кто ж виноват, что когда-то мать проворонила универсала? Теперь Тате мечтается хеппи-энд по ее же сценарию, но мечтать никому не вредно. Только зачем же обременять других? Ведь это Сабрина поступилась гордостью и сносила унижения, хотя во всех нынешних их бедах виновата мама, ей бы и парламентарский флаг взять в руки. У Таты давно вошло в привычку перекладывать свои заботы на чужие плечи, последнее время это напрягало Сабрину, мягко выражаясь, но в трубку дочь говорила сдержанно:

– Ма, она не просто любовница, которую покупают, она нечто значимое для него. У нее что-то случилось, и, как я поняла, серьезное, отец умолял ее спрятаться, забаррикадироваться...

– Ничего себе! – вставила Тата, правда, в ее интонации чувствовалось больше желчи, нежели удивления. – Поехал спасать телку от толпы поклонников?

– Видела б ты его! Он стал бледнее бумаги, покрылся испариной, началась одышка...

– Так это симптомы сердечной недостаточности.

Нет, все же трудно не съехать на базарную тональность, потому что Сабрину просто взбесила мамина глупость. Ну, не хочет женщина ничего понять, принять, изменить. В первую очередь ей надо было начать изменяться самой, но что вы, что вы – она ж умнее всех, значит, всегда права.

Вдохнув и задержав воздух, Сабрина посчитала до десяти, ведь срываться не в ее характере, это мамочка позволяет себе из аристократки вмиг переродиться в хабалку. Одновременно Сабрина поплелась к воротам, повесив сумочку на плечо и преодолевая усталость, навалившуюся с внезапностью упавшего с крыши кирпича. Непонятно, как у нее хватало сил отвечать матери:

– Это симптом, что у тебя ничего не выйдет, значит, и у меня. Если б она не позвонила, отец спустил бы меня с лестницы за идею соединить вас. Тебя он...

– Ненавидит?

– Не сказала бы. Ты для него пустое место, но меня из-за тебя он может возненавидеть. Там, куда он поехал, опасно. Отец взял пистолет, и если с ним что-то случится...

– Ничего с ним не случится, твой отец живуч и, на зависть, удачлив, иначе давно лежал бы в гробу с простреленным лбом. Кстати, если с ним что-либо... хм!.. Ты тоже станешь наследницей. Половина-то твоя...

Толстый намек! Осталось поблагодарить за подсказку и пообещать собственноручно пришить родного папу. Идя по дорожке, Сабрина намеренно отвлеклась на перемены в парковой зоне, чтоб не съязвить, мол, наследство выдают через полгода, до той поры мы с тобой не доживем, мамуля.

Мимоходом она обратила внимание, что у отца неплохой ландшафтный дизайнер, здесь даже ночью красиво. До ссоры пятилетней давности тощие деревья и наполовину засохшие кустики только сажали в землю, кто бы мог подумать, что они разрастутся в причудливые композиции, освещаемые матовыми фонарями. А у них дома сорняки и сорнячищи выше головы, заняться ими маме лень, Сабрине некогда...

– Скажи, его ублюдок дома? – отвлекла мать.

– Нет.

– Тогда тебе нечего там делать, возвращайся домой.

И то верно. Очутившись за воротами, Сабрина села в машину, закурила. Эх, если б оттянуть время назад... всего-то на пять лет! Но при условии, что память – а она важный компонент опыта – останется с ней. Сабрина избежала бы многих глупостей, которые сейчас не могла себе простить. Первейшая из них – бойкот. Вот зачем она пошла на принцип? Что доказала и кому? Разве что себе: она набитая, утрамбованная под завязку дура, которую неплохо бы выставить на обозрение где-нибудь на площади в назидание другим.

Сдав назад, Сабрина развернула машину, плавно тронув ее с места. Не доезжая до угла, в зеркало заднего вида она увидела, как к дому отца подъехал скутер – это вернулся домой братец Пашка.

– Гляди, какой послушный, – беззлобно буркнула она, давя на педаль газа. – Домой возвращается до двенадцати. Интересно, кто она – Ксения...

В прошлом Сабрина не признавала сводного брата, вела себя с ним как с приемышем, занимающим место не по праву, и это была та первая лопата, которая положила начало глупо-

кому рву между нею и отцом. Но ведь папа неизвестно откуда притащил сынка, можно сказать, в подоле принес приплод! Ну, не в подоле, так в рубашке, в корзинке – разница небольшая, все равно нагулял. А всем заливал, будто усыновил младенца по доброте душевной. Поверить, что папа воспылал благородной любовью к чужому отпрыску, найденному чуть ли не в канаве, – это надо быть умственно отсталой.

Кстати, кстати! Он же так и преподносил: нашел на обочине дороги в корзинке с запиской, которую показывал любопытным: «Возьмите ребенка, люди добрые, он здоровый и красивый. Его непутевая мать». Зато папа Сабрины оказался путевым отцом: нянек нанял аж две штуки, кормилицу где-то раздобыл и закармливал ее калориями. Та жила в доме со своим младенцем несколько месяцев, в награду получила однушку и лишних пятьдесят килограммов веса.

Позже только дебилу было неясно, что Шатун является единокровным отцом «подкидыша». Правда, мамаша внесла львиную частицу себя, братец уродился краше родителя, а если совсем объективно – намного краше. Знакомые и друзья помалкивали. До сих пор ни одна живая душа не знает, кто матушка братца и где она шляется. А если какая-то душа и узнала случайно, то она наверняка уже неживая, потому что те, кто сует свой любознательный пятак в жизнь Шатуна, не успевают об этом пожалеть – так говорят люди.

Если б Сабрина пять лет назад повела себя чуточку терпимей, осмотрительней и умней, сейчас была бы в шоколаде, а так... только в халве, да и то не в арахисовой, в подсолнечной.

3

Водитель Шатунова Южин относится к людям безликим, бесцветным, которых с трудом запоминаешь со второго, а то и с третьего раза, стало быть, личность он неприметная. Не отличался и выдающимися способностями, кроме одной: за рулем он виртуоз, машина для Южина – его продолжение, его часть. Само собой, автомобиль под его управлением выписывал на дороге такие симфонии, что любой прохожий вправе был подумать, будто машина обрела душу, разум и навыки эквилибриста.

Отлично зная город, Южин сокращал путь, как мог. Он выбирал безлюдные дороги, где даже днем было мало людей, если требовалось, бессовестно ехал по тротуарам, пересекал дворы. Управлял одной рукой. Во время опасного маневра помогал себе крутить руль второй рукой, в которой держал мобильник, перед этим надавив пальцем на нужную клавишу. Каждая цифра мобилы обозначала ребят из спецслужбы, которые охраняли производство и только изредка составляли свиту Шатунова, как шутил шеф – «для антуражу».

Но сегодня «антураж» вызывался не ради пыли в глаза, понял Южин, сегодня пахло войной, точно шагнули назад в забытые девяностые, а может, из них так и не выбирались. Об этом он догадался по Шатунову, которого никогда не видел в состоянии отчаяния и паники, причем в самой критической точке. Догадался и по тому, о чем шла речь по телефону с женщиной, Шатунов перевел трубку на громкую связь через устройство в автомобиле, уже не заботясь о том, что его личная жизнь выходит из подполья. Одновременно с ним Южин торопливо говорил в свою мобилу:

– Стас, срочно на выезд, ствол не забудь... Кто сказал, что стрелять? Для антуража бери... Встреча у деревни Пухово... Алло, Гога?..

А Шатунов мечтал, чтоб сегодняшнее путешествие закончилось шуткой. Да-да, дурацкой, глупейшей, неудачной шуткой, на которую способна только пьяная женщина. Он бы простил. Нет, он был бы счастлив и никогда не припомнил бы ей, какие страшные минуты пережил. Попутно шла другая мысль: успеть бы. К сожалению, параллельные мысли идут в ногу с неотвратимой реальностью, недаром говорят про третий глаз, он видит больше и дальше, чем два реальных глаза. Посему Шатунов не столько слушал Ксению (хотя, конечно, слушал), сколько вслушивался в пространство за ней.

– Когда поняла, что мне каюк... – Отчасти ей помог диалог с ним, она немного собрала волю, это было понятно по голосу, который выровнялся и звучал без панических нот, но очень тускло. – Решила напоследок с тобой поговорить, потому что... многое надо сказать... Но я не знаю, что главней. Наверное, все. Должна признать, я была дурой... какой же дурой я была...

– Наконец в тебе проснулась самокритичность.

Шатунов лишь попытался подбодрить ее, мол, твоя паника напрасна. После его бодрячка Ксения просто обязана задавить страх, пошевелить извилинами и придумать, как продержаться, а она в ответ рыкнула:

– Не мешай! У меня почти не осталось времени... Я их чувствую... они близко...

И он близко! Южин – просто летчик! Уже мчались по загородной трассе, осталось проехать семь километров по ровненькому асфальту, на джипе это – тьфу, потом повернуть к деревне, протрястись еще полтора км по проселочной дороге и... ни одна тварь не уйдет от него, ни одна! Вдруг Шатунову пришла идея:

– Назови им мое имя и скажи, что я их найду – найду в любой точке планеты. А когда найду, порву на тесемки. Обязательно скажи...

– Конечно, не скажу! – оборвала его Ксения. – Ленька, угрозы мало кого останавливали, на этих точно не действуют...

Она не успела закончить фразу, а у Шатунова новая идея готова, гениальная, потому что проста, как метла дворника:

– Предложи деньги! Много денег. Я дам, сколько попросят.

– Думаешь, на меня кинули б кого ни попадя?

– Стоп, Ксюха! Значит, ты знаешь, кто...

– Примерно.

– Тем более найду! – скрипнул он зубами. – Так что лучше предупреди их, что умирать будут долго и страшно.

– Шатунов, не дури. Я и позвонила потому, что знаю, какой ты идиот. Не вздумай искать их, слышишь? Думай не только о себе и обо мне...

Внезапно она оборвала фразу и напряженно задышала, а он напрягся до последней возможности, когда вот-вот лопнут жилы в теле... но не слышал посторонних шумов в трубке! Это так глупо – пытаться понять, что там происходит. Шум двигателя ему не мешал, Шатунов его отключил в голове, но в трубке – лишь дыхание, которое он хорошо знал, и мог с точностью ясновидящего сказать, в каком состоянии Ксения. Дыхание прерывалось, потом запускалось и вдруг – снова остановка, затем всхлип и...

Выстрел!!!

Как же резанул этот короткий и громкий хлопок! Звук – словно пробка вылетала из бутылки с шампанским, а в сердце врезалась острая боль – будто его пополам рассекли острым ножом мясника.

Выстрел услышал и Южин. Водитель беспокойно взглянул на шефа и утопил педаль газа в пол, после чего джип выбросило вперед, хотя и без того скорость была космическая.

А Шатунов замер, уставив глаза в черную дыру за лобовым стеклом, куда тянулась световая дорожка от фар. Он ждал вдоха, звука, шороха. Теперь ему все мешало: мотор, хотя он работал тише дыхания младенца, сопение Южина, биение собственного сердца (как ни странно, еще живого, трепещущего), даже мелькание деревьев, похожих на тени, по обеим сторонам дороги мешало.

– Нас догнали, – поставил его в известность Южин, ему показалось, новость важная, но Шатун и ухом не повел. – Кажется, Крючок. Он и Гога ближе всех живут... А вон еще впереди стоит...

Слова водителя оставили Шатуна безучастным, он сосредоточил внимание на трубке. Он ждал... надеялся... И дождался!

– Попала, – сказала едва слышно Ксения, видимо, трубка была где-то рядом, а не в руке.

Шатунов подпрыгнул, радостно закричав:

– Ксения! Мы подъезжаем! Продержись! Совсем немного, и... все будет хорошо. Я уже рядом... Мы сейчас... Держись!..

Полулежа на диване, раскинув руки по спинке и запрокинув голову, Тата глядела в потолок. Долго глядела, почти не мигая. Машке, потягивающей martini, пришла на ум мысль, что Тата ждет, когда потолок волшебным образом разверзнется и оттуда на нее посыплется нечто ценное типа золотых слитков или, на худой конец, долларовых купюр. А если честно, весь вид подруги напоминал театральную постановку, в которой героине надлежало красиво пострадать, потом так же красиво умереть под неумолкающие аплодисменты.

Надо отдать должное справедливости, Тата не задавалась целью произвести впечатление трагического персонажа, у нее вошло в привычку быть всегда и во всем красивой. С давних пор она следила за движениями собственного тела, пока не превратила живописные позы в естественную потребность, восхищавшую в основном мужчин. Что касается остальных – Тата почему-то казалась им искусственной, впрочем, Машка помнит ее другой: попроще, стало быть, приятней и милей.

Досадливо ударив кулачками по спинке дивана, Тата вернула голову в вертикальное положение и смотрела прямо перед собой невидящими глазами – прости Господи, опять театрально. Ну точь-в-точь королева Мария Стюарт перед тем, как ей голову топориком – тюк! В театре видели постановку. Машка, подружка дней ее суровых, растолстевшая так, что в салон автомобиля еле втискивала свои телеса, поставила бокал на столик рядом и произнесла беззлобно:

– Встретить бы мне этих Козлодоевых, что за мои деньги поят меня дерьмовым пойлом, они бы остались без скальпа. Разве это мартини? Отдает же химией!

– У тебя есть такая возможность, – тягуче пропела Тата, все так же глядя перед собой. – Наверняка мартини гонит Шатун, иди к нему и снимай скальп.

– Я не сошла с ума, чтоб на твоего Леньку кидаться. А он разве не водку гонит?

– И водку. И даже текилу. Из агавы, которую выращивает на плантациях за домом.

– Хм, шутка, да? Мне надо смеяться, да?

Маша не собиралась высказываться по поводу безумной затеи Таты заново слепить союз с Ленькой, ведь у подружки есть одно дубовое качество: будет долбить лбом стену, пока стена не упадет или сама не свалится. Второе чаще случалось, оттого Татуля злющая, в нее бессмысленно закачивать нормальную программу – вирусов многовато. Нет, сидели, мирно пили мартини а-ля рашн, но вдруг, поговорив с дочерью, она стала похожа на старую обезьяну, оставшуюся на гнилых бананах.

– Слушай, чего тебя плющит? – внезапно прорвало Машку. – Шатун отказался сойтись? А с чего ты решила, что он об этом мечтает? Потому что после тебя не женился? Ну, не женился. И в порочных связях замечен не был, хотя желающих склонить его к пороку до сих пор полно. А сынок откуда-то появился. Зачем он тебе, Танька? Что, безумная любовь долбанула на старости лет? Не поверю. Не для него ты уродуешься в спортивных клубах, питаешься салатиками и сделала пластическую операцию на последние шиши. Таня... Тань...

– Я слушаю, слушаю, – отозвалась та, а то Маша уже подумывала, что подруга задремала с открытыми глазами.

– В том-то и дело, ты никогда и никого не слушала, – вздохнула она, беря бокал. – Первый раз не послушала меня, когда мужа бросила и к Шатуну ушла. Потом все эти шашни... Но чем-то же тебя привлек Ленчик?

Чем! Да все тем же: вниманием, щедростью, широтой натуры, типично мужским напором, перед которым редкая женщина устоит. Подруги от зависти дохли, как мухи, тем не менее, не уговаривая отнестись благосклонно к ухаживаниям, подзуживали, захлебываясь от восторга:

– Ничего себе подарочек! Дай, дай посмотреть... Вот это мужик! Сколько ж стоит такое колечко?

– Это страшные деньги, тысячи три бухнул, – сказала на ее дне рождения Маша, в те времена худенькая и хорошенькая.

– А такие цены бывают? Да на эти деньги... – Подружки загалдели, перечисляя, куда можно было бы потратить богатство, кто-то с упреком выкрикнул: – А ты его за стол не пустила!

– Обойдется, – любуясь кольцом, мурлыкала Тата. – У нас девичник.

– А расплачиваться не придется? – строго сказала реалистка Машка. – Раз приняла подарок, ты дала ему повод.

– Ай, брось, – загалдели все наперебой. – Ты наивная? Тебе не понятно, что он сегодня уже расплатился?

– Вы что! – взбеленилась Тата, услышав нездоровый хохот. – Не было у нас с ним ничего!

Начался спор: было – не было. Конечно, никто не верил (кроме Машки), что безумной стоимости кольцо подарено авансом. Но именинница с жаром доказывала, мол, я верна мужу, а даритель ни за какие кольца не нужен, он же Квазимодо... Пожилая повариха, стоявшая у плиты сутками, оттого лоснившаяся от пота даже в лютые морозы, изрекла по-бабьи мудро:

– Дуры вы, девки! Я с вашим Квазимодой не знакома, так что судить не могу, каков он, но мужик нынче сильно не напрягается. На штаны себе и стакан еще заработает, а чтоб жене чего купить, на это ни ума не хватит, ни совести, ни денег. Обсмеяли Леньку, а он ведь царский подарок кинул. От всего сердца. Вот уж кому-то повезет... Я б на месте Таты уж постаралась бы угодить ему... вспомнила б все неприличия...

Девки хохотали, а Тата, как сковородка на плите, подогрелась и от подарка, и от разговоров в пользу Ленчика, и от мыслей: неужели это кольцо останется самым ярким эпизодом в ее жизни? Мало... И перспектив заблестать, как изумруд с бриллиантами на пальце, – ноль, помноженный на ноль. Почему же ноль? А Ленчик? Кто еще способен выкинуть мешок денег, не требуя взамен ничего, лишь пообещав отбить у мужа? Вечером она лежала с ним в постели, после чего он предложил ей выйти за него замуж...

Экскурс в прошлое прервал голос...

В салоне, где мотор не ревет, а нежно шепчет, выстрелы гремели как из телика во время демонстрации боевика.

Южин гнал по проселочной дороге, поднимая облака пыли – дождя не было давно, а на асфальт местные не разорились. Непонятно, как при нулевой видимости и по ухабам за ним следовали легковушки. Украдкой он поглядывал на шефа, пугающего спокойствием и похожего на труп, пристегнутый к креслу, чтоб не вывалился. Собственно, в данных обстоятельствах Леха Шатун бессилен что-либо изменить, ведь быстрее, чем есть, – не будет, ему оставалось только ждать. Ждать, чем закончится пальба. М-да, сегодня не его день, это случалось редко.

Стрельба была недолгой и беспорядочной. Потом наступила тишина, разумеется, относительная. Шатун молчал, Южин понял, почему: если Ксения жива и успешно прячется, он выдаст ее голосом в трубке. А ведь Леха надеялся, что она жива. Надежда не покидала даже водителя, но вдруг...

– Эта сука кому-то звонила.

Водила дернулся: фразу сказала женщина!!! Стало быть, она участвовала в перестрелке. Женщина – убийца?! Южин считал, это выдумки телевизионщиков, чтоб киносюжеты интересней были, на самом деле такого в природе не существует – какой же он наивный в сорок шесть лет. Но раз она на связи, значит, трубка Ксении в ее руках, следовательно...

– Суку оставь себе, – внятно произнес Шатунов.

– Что, что? – раздалось из трубки. – Ты кто?

– Я Шатунов Леонид Федорович...

– Леха, на хрен ты ей имя свое...

Южин осекся, так как жест свободной руки Шатунова означал: заткнись немедленно, а слова он адресовал той, которая держала трубку Ксении:

– Если Ксения жива, я дам больше в два раза. Даже если она ранена. Только уйдите отсюда, оставьте ее мне. Но не дай бог она...

– Подавись своими угрозами! – получил он в ответ.

– Тогда молись. Ты запомнила мое имя?

– Запомнила.

– А у тебя хорошая память? Запоминай еще: я тебя и тех, кто сейчас с тобой, найду. Где б вы ни были – найду. Молитесь, чтоб смерть пришла к вам до того, как встретитесь со мной...

Он услышал мужской голос: «Уходим!» – и трубку Ксении отключили.

Вот она – деревня. Точнее, ее часть, в прошлом так называемый аппендицит, в настоящем – пригород для толстосумов.

Людей из живописной зоны выселили... Нет-нет, никого силком не сгоняли с насиженных мест, танками не давили, а выкупили участки или переселили в благоустроенные

городские квартиры, ведь кое-кому нелегкая крестьянская доля осточертела. Затем провели коммуникации, построили особняки один больше другого. Наконец, и сюда пришла мадам цивилизация, жители активно подключались к трубам, ведь не у всех имелся тот же водопровод. Так что соседство принесло обоюдную пользу: деревенские поставляют продукты и рабочую силу, взамен получают рублики. Примечательно, что особняки не охраняются, даже заграждения нет, на всю деревню один участковый – вот и вся охрана. Выстрелы он наверняка слышал, но неизвестно, что подумал, до сегодняшнего дня войны, характерные для городов девяностых, обходили этот уголок стороной. Да и какая польза от участкового, одного-то?

– Стас, звони в «скорую» и вызывай полицию, – в трубку приказал Шатунов, выглядевший обманчиво спокойным, подозрительно спокойным. – Скажи, слышали перестрелку в Пухове, пусть срочно выезжают.

– Ну да, вдруг она жива, тогда нужен врач... – согласился с ним Южин. – А что полиции скажешь, почему мы здесь?

– Посмотрим. Стоп, мы на месте!

Одновременно визгливо затормозили три легковые, ехавшие за джипом, упершись в ограду носами. Других машин на улице не было, не слышалось и удаляющегося звука мотора. Едва приоткрылись дверцы и из салонов автомобилей, покрытых плотным слоем пыли, показались головы, Шатун замахал им:

– Назад! Догоните их!

– Кого? Где? – вытаращился Крючко (между собой – Крючок).

– Убийц, – рявкнул Шатун, открывая кованую дверь ограды. – Учтите, у них стволы! Они стреляли... Добудьте мне хотя бы одного живьем, одного!.. Только не сдавать полиции, сам разберусь.

На последней фразе он помчался к дому, вынимая пистолет. Свой долг – находиться рядом с шефом – водитель понимал буквально, поэтому, прихватив монтировку (смех – да?) поторопился за Шатуновым, бросив парням сумбурной скороговоркой:

– Вы через деревню напрямки... Выедете на трассу, тут другой дороги нет. На трассе никого не будет, кроме убийц. Кто-нибудь... останьтесь, а?

Безусловно, банда убийц могла находиться еще внутри шикарного особняка или где-то в саду, ведь Южин доставил шефа молниеносно. Следовательно, двое против неизвестного числа вооруженных лиц – это неоправданный риск, особенно с монтировкой в руке. Но кто сказал, что бандиты приехали и уехали? А если они пешком ходят-бегают? Если они где-то здесь, за кустами притаились? Потому Южин и озирался по сторонам с опаской, несмело следуя за шефом.

Одновременно хлопнули дверцы, две легковых унеслись по направлению к деревне, остались: Ма́рин – инициативный охранник завода и братья Лапины. Парни молодые, спортивные, в охрану доходяг не берут.

– Ты хоть объясни, что тут?.. – зашептал Марин, догнав Южина.

Бывший мент, не прижившийся в правоохранительной системе из-за принципов, свой по-гречески правильный нос совал повсюду. Ну, все ему нужно знать, видеть, понять, «стариков» это раздражало, что закономерно, народ не выносит выскочек.

– Там женщину убивали, – ответил Южин свистящим шепотом, указав глазами на особняк. – Сам слышал выстрелы из мобилы Шатуна.

– Убивали?! А кто она шефу?.. Э, Леонид Федорович! – неожиданно рванул Марин вперед, когда Шатунов хотел взяться за дверную ручку. – Не трогайте! Вдруг там отпечатки остались. Уступите дорогу, я пойду первым.

Как ни стремился Шатунов попасть внутрь, а все же подчинился: сжав пальцы в кулак и опустив его вниз, он через силу отступил...

4

– Не спите? А это я.

Сабрина небрежно кинула сумочку в угловое кресло, плюхнулась на диван рядом с матерью, закинула руки за голову и тоже впала в депрессивную задумчивость.

«Как они похожи, – удивлялась про себя Маша. – Обе имеют натуральные белые локоны, глубокие темно-серые глаза, но обманчиво умные и вдумчивые. Губы у обеих одинаково сдобные, им хватает естественного цвета, чтобы привлекать глаз. Брови – крылья, носик ровненький, шейка... Одним словом, лепота. Так это не все, их объединяет и внутреннее устройство: обе нетерпимы к чужому мнению, эгоистичны, упрямы, цены себе не сложат. А за все надо платить, девочки и расплачиваются неудачами, при том не понимая, откуда на них столько напастей сваливается. Главное, никого не хотят слушать, чтоб чуточку выправить положение, ведь из каждой ситуации есть, как минимум, два выхода».

– Что отец? – осторожно поинтересовалась Маша, кстати, Шатунова она уважала – не при бывшей жене будь сказано.

– Не бедствует, – приглушенно ответила Сабрина, хотя тетка Маша не о том спросила.

По суровой складке между крылатыми бровями и по унылому выражению Маша догадалась: поход к папе увенчался полным крахом без каких-либо оговорок. И Тата это поняла, поэтому не требовала подробностей, она лишь произнесла, ни к кому не обращаясь:

– И что нам делать?

– Дом продавать, – сказала Сабрина. – Срочно.

Это разумно, по мнению Маши, а Тата подскочила как ужаленная:

– Ты в уме? Продать дом?! И показать всем, что мы на мели?!

Она – что спичка, вмиг вспыхивала, притом мало задумывалась, что говорит и как, это качество ей всю жизнь испоганило. Сабрина некоторыми рамками себя ограничивала и далеко не всегда поддавалась эмоциям, пожалуй, это единственное различие между матерью и дочерью, если не считать возраста.

– Ты еще попробуй продать шестьсот квадратов, – парировала дочь. – Тех, у кого много денег, наш дом не устроит: площадь маловата, нет сада, бассейна, теннисного корта. К тому же дом не выдерживает нынешних архитектурных требований – устарел. А у кого денег мало, те по-любому не купят, на фиг он им?

– И так плохо, и этак плохо, – сочувственно вздохнула Маша.

– Я не выставлю дом на продажу! – пылко выкрикнула Тата.

Маша прикусила язык, который после алкоголя рвался дать дельный совет. Без дураков, дельный. Проблема в том, что мать и дочь, имея непомерные амбиции, не способны организовать работу, чтоб удовлетворить свои же запросы в полной мере. Но сегодня день открытий! Сабрина оказалась не безнадёжной, вероятно, в силу молодости и практичности, заложенной генами отца:

– Не можем содержать дом, так давай устроим в нем гостиницу? Место отличное, сюда едет народ помолиться к ручью и окунуться – он же святой... Некоторые приезжают издалека и вынуждены сразу уезжать, не отдохнув, не поев. А у нас въезд для машин есть, комнат достаточно...

– Боже! – заломила руки Тата. – Какая чушь! Ты хоть знаешь, сколько нужно денег на твой замысел?

– Продадим кабак, кредит возьмем...

– Ни за что! – категорично поставила точку мать.

Но! Привычка увидеть выгоду там, где ее не может быть по определению, плюс манера пользоваться ситуацией сработали и на этот раз:

– Впрочем... попроси у отца! Если он даст денег, то я...

Сабрина резко встала, метнув в мать выразительный взгляд, что явилось для той сигналом: замолчи! И Тата умолкла, почувствовав поток неприятия от дочери, которая угрюмо побрела к лестнице. Замерла и Маша, такой отрицательно заряженной частицей она не видела Сабрину никогда, состояние девочки пугало. На середине лестницы Сабрина задержалась, неожиданно села на ступеньку, ей понадобилась пауза, чтобы собраться с духом и удивить Машу дерзостью, с какой она осадила мать:

– Моя идея безумная, да. А у тебя вообще нет ни одной, кроме глупости сойтись с отцом. Видела б ты, как он на меня смотрел, когда я... сватала тебя. Мне было стыдно, но остановиться и извиниться не смогла. Я ж в тебя, не умею вовремя одуматься. Ты терпеть его не можешь, а задалась целью вернуть. Считаешь, он дурак? Наши с ним отношения тоже ты испортила, внушала мне с детства: он ничтожество, урод, бандит...

– Да, бандит, – пыхнула Тата. – Нашего ударника капиталистического труда чуть не расстреляли! Он обвинялся в убийстве нескольких человек сразу!

– Но его даже не посадили, – внесла уточнение Сабрина.

– Откупился!

– Ой, мама, я же немножко знаю отца, по-моему, это какая-то лажа – с его обвинением. Собственно, я не о том. Меня больше не посылай мирить вас, отец вычеркнул тебя, я не хочу, чтоб и меня окончательно вычеркнул. Да, не хочу!

Потому что она еще надеялась: перетрется, утрясется, сгладится, уладится. Ей нужно с ним примириться, это вопрос жизни и смерти, но Сабрина не знала, как это сделать.

Она поднялась со ступенек и поплелась вверх, поглядывая на подруг внизу с вызовом бунтаря. Да, Сабрина будто ждала выпада, конечно, со стороны матери. Маша замахала руками, дескать, молчи уж, Танька, не видишь, в каком настроении девочка? Большая редкость: та вторично укротила гордыню и не стала выяснять отношения с дочерью, обвиняя в предательстве и неблагодарности, ну и еще в чем-нибудь страшном. А Сабрина, по всей видимости, находилась под большим впечатлением от Ленчика, прежде чем уйти к себе, она задержалась, вспомнив:

– Ты так и не сказала мне правды – почему вы развелись?

– Какая тебе нужна правда? – наигранно замигала веками Тата, она, как всегда, приписывала значение тех или иных событий, если ей выгодно. – И зачем? Не знаю, почему он ушел, не знаю! Или мне нужно было унизиться, что-то там выясняя? Еще чего! Я просто дала согласие на развод... Почему ты спросила?

– Он предложил мне денег, сколько захочу, лишь бы не слышать о тебе никогда.

– Не поняла я, что тут к чему, – нервно бросила Тата, – но деньги надо было брать, пока давал.

– Спать хочу.

После стремительного ухода Сабрины стало как-то неудобно, неудобно физически, но это впечатление Маши, женщины излишне восприимчивой. Сложно было не заметить в Сабрине разлад, начался он не вчера, разумеется, но сегодня проявился. А Тата – заметила ли она в дочери симптомы застарелой депрессии? Не-а, не заметила, да и тревожили ее далекие от дочери мысли. Она крутила в мочке уха серьгу, не успевшую отправиться в ломбард на бессрочное хранение, и мямлила:

– И что теперь делать? Как быть с долгами? И с этим домом? Ммм... как меня все достало!

У Машки вертелся на языке единственный совет, да и тот ехидный: мол, сбегай к Ленчику, пади на коленки, залей слезами его ботинки и попроси дать в долг. Он даст из жалости любую сумму, даже зная, что никогда не получит денег назад. Разве это не вариант в ее положении? Да куда ж деть гордыню, которой подруга окутана с головы до пят, как королевской мантией? И возня со сватовством затеяна ради них, любимых всеми народами и племенами, –

денег, правда, результат ожидался другой: Ленка прибегает к Тате, падает на колени и... тому подобная дребедень в духе сериальных сказок. Так что советы – для умных, для дураков – гордыня.

– Мне осталось только убить Шатуна! – воскликнула Тата.

Нечаянно вырвалось, и она вскинула испуганные глаза на подругу, а та сделала вид, будто не услышала. По мнению Маши, язык у Таты безбожный разбойник, по уму – так его бы отрезать без сожаления, чтоб не вредил.

Скороговоркой и коротко Шатунов объяснил, в чем проблема, тем более предосторожность в данных обстоятельствах – дело святое, без того нашумели, подъезжая. Эх, знать бы точно, здесь убийцы или удрали? А как узнать? Сняв с предохранителя пистолет, Марин мотнул головой, отбрасывая назад длинные светлые волосы, – этого парня «старики» считали пижоном. И то верно: волосы длинные, серьга в ухе, постоянно на его руках перчатки из тонкой кожи, но без пальцев, ну и так далее. Пижон!

– Не торопитесь, – предупредил он шепотом, наклонившись к шефу. – Если они здесь – от нас не уйдут, а если их нет...

– Там Ксения, – просительной интонацией возразил тот. – Может, она ранена...

– Может, – согласился Марин. А в его интонации все уловили приговор Ксении. – Куда идти, знаете?

– На третий этаж.

– Эй, Лапины! – бросил он через плечо. – Мы поднимаемся наверх, а вы проверяете помещения внизу. В шкафы загляните, иногда там не только любовники прячутся. И поберегитесь, ладно?

Братья Лапины, почти как двое из ларца – одинаковых с лица, хотя погодки, согласно кивнули и вынули пистолеты. Конечно, они стреляли, и не однажды! Только в тире. Но настроены оба азартно, и это не есть хорошо.

Марин достал чистый носовой платок, набросил его на дверную ручку и осторожно повернул ее. Его рука крепко сжимала пистолет, подняв его к плечу. Вошли – входная дверь оказалась не запертой. Внутри было темно. Марин тихо приказал всем стоять, пока настраивал в мобильнике функцию «фонарик». Свет от него не ахти, но хотя бы увидишь, куда ступать.

Он открыл следующую дверь, за нею тоже было тихо и темно. Все примерно знают, где должны находиться выключатели, и Марин, пошарив по стене ладонью, нашел два на уровне бедра. Когда надавил на первый – загорелись бра по бокам входа, надавил на второй – вспыхнула огромная люстра под потолком в гостиной. Бесшумно братья рассредоточились по первому этажу, а он, зорким оком окинув пространство, поднялся с шефом и Южиным по лестнице на второй этаж.

Тишина и покой. Ощущение, что дом пуст. Но этого обманчивого ощущения как раз и нужно опасаться, ибо фора у того, кто затаился и невидим.

Шатунов не выдержал, махнув рукой, мол, видал я ваши предосторожности, рванул в конец этажа и пропал.

Догнали его Марин с Южиным на третьем уровне, он давил всем телом на дверь, открыть которую что-то мешало изнутри. К нему присоединился Южин, Марин снова искал выключатель, ведь темнота – мощный раздражитель. Вспыхнули шарики-светильники вдоль стены. Заглянув в широкую щель, которую Шатунов тщетно пытался сделать шире, Марин зарычал:

– Назад! Там труп! Отойдите!

Слово «труп» отбросило Южина от двери, он застыл, тараща на молодого человека, будто труп – это Марин. В то же время Шатунов, чувствуя, что вот-вот рухнет, прислонился спиной к стене и прикрыл веки. На него то же самое слово подействовало как паралитический

яд: ноги одеревенели, в глазах помутилось, тело покрылось испариной, сердце стучало через раз, пока не услышал голос охранника, присевшего у дверной щели:

– Это мужчина... Его застрелили. Чего ломались, Леонид Федорович? Щель достаточная, чтоб пролезть.

Шатунов мгновенно ожил: убитый – мужчина? А по логике должна лежать женщина. Почему обязательно должна? Раз это не Ксения, нашествие закончилось для нее благополучно. Но где же она? Леонид Федорович пришел в то состояние, когда оставаться в неведении не было сил, он бросился в комнату, переступив через труп, с криком:

– Ксюша! Ксюша, это я!.. Где ты?.. Ксения...

Вспыхнувший яркий свет ослепил, но и здесь группу встретила тишина да пустота – мебели мало, пахло ремонтом. Шатунов растерянно остановился, повторяя имя, как механическая игрушка, но все тише и тише... А в ответ – ничего.

Вдруг он физически ощутил, как его заполняет пассивное бессилие, разрушающее и без того хрупкую надежду, как оно диктует ему свесить лапки, смириться. Смириться с чем? Ксения знала, что он вот-вот придет, значит, возня на площадке означала: он уже тут. Почему же не подавала признаков жизни? Где она? Верить в самый плохой исход... Кто в него верит, не убедившись собственными глазами?

Помещение под крышей большое, разделено перегородкой без дверей. Нужно сделать несколько шагов и заглянуть во вторую комнату, а у Шатунова на ногах выросли гири. Всего лишь несколько шагов... а он повернул лицо к Марину, прося у того помощи, только без слов.

Молодой человек обошел его, скрылся за перегородкой... и пробыл там час! Два! Десять! Целую вечность Марин находился за перегородкой и молчал! Нет, он будто сам там умер. А у Шатунова на ногах гири, черт бы их побрал! И голос пропал. Крикнуть бы: «Скажи хоть, что там?» Да горло сдавило чем-то плотным, не позволяющим проглотить колющий и сухой ком...

В окнах деревенских домов горел свет, значит, выстрелы люди слышали и всполошились, стрельба-то здесь не норма. Тем не менее...

– Хм, ни одной любопытной рожи, – глядя в окно автомобиля, констатировал Гога, здоровенный сорокалетний детина с физиономией барыги, которую в далекие времена рисовали в юмористическом журнале «Крокодил». – Обычно в деревне прямо на улице перетирается происшествие.

– Бояться, – сказал Стас, выкручивая на повороте руль. – Выстрелы раздавались из богатой зоны, нос туда совать – это чревато. Свидетелям достается не меньше, чем жертвам. Фу ты, асфальт закончился! Ну и пылища.

Стас – образцово-показательный молодой человек, воспитанный как денди, стройный, имеет весь набор той самой культуры, из-за отсутствия которой Шатунов страдал в юношеские годы. В «антураже» он занимает ведущее место, так как умеет лучше шефа выразить его же мысль.

– Вон они! – взревел Гога, одновременно делая вызов на мобиле.

– Ты уверен?

– А кто еще в это время здесь будет? Жми, Стас! Мы догоним.

Вдали сквозь дымку дорожной пыли действительно мелькнули красные огоньки – внедорожник взбирался на пригорок, пригасив скорость. Но вот он повернул и помчался по трассе в противоположную от города сторону. В джипе не подозревали, что за ними организована погоня, иначе скорость взлетела бы за пределы разумного. Стаса тревожили люди в джипе: кто они, каковы будут их ответные действия, когда поймут планы преследователей? Убийцы – звучит сурово, следовательно, эти ребята дружат с оружием покрепче охранников Шатуна.

– Крючок, слышь?.. – орал в трубку Гога, будто находился в заводском цехе, где по накопальням лупят гигантские молоты. – Мы на хвосте!.. А, видишь? Давай договоримся: стреляем по колесам. Догоняйте и становитесь в ряд!

Гога сунул мобилу в нагрудный карман рубашки, машинально вытер рукавом рубашки потное лицо и придвинулся к дверце. Искоса наблюдая за ним, Стас про себя подумал, что Гога применять оружие боится, а он не трус. Да просто никому из них не приходилось стрелять по людям. По сволочам, негодяям, не заслуживающим снисхождения, но... по людям. В этом вся проблема. Однако! Допустим, Крючок и Гога выведут джип из строя, а бандиты? Тоже будут по колесам стрелять или в лобешники пули влепят? Ммм... страшновато.

Шатунов чувствовал, как от напряжения весь взмок, как заструилось по вискам, поползло по шее вниз, как закапало со скул на пол. А губы пересохли. Он не сводил глаз с Марина, а тот не смотрел на Шатунова, облокотился плечом о стену, утер нос тыльной стороной ладони и засунул пистолет во внутренний карман жилета. В общем, весь его вид означал старую истину: чудес не бывает. И надежда тут же умерла без агонии, осталось только посмотреть самому, но не убедиться, а... проститься.

Она лежала на полу у раскрытого окна. Наверное, последней ее мыслью было – выпрыгнуть. И лучше б она это сделала, в крайнем случае, переломала бы ноги, но Шатунов успел бы... Может быть, успел...

Снаружи залетал в комнату ветерок, и воздушная занавеска, словно играючи, надувалась, закрывая Ксению, а потом открывала ее, прилипая к окну... Воздух, ночной дух свежести и бодрости, густой и пропитанный сельскими ароматами, прорывался сквозь тюль, наполняя чудодейственной силой комнату под крышей. Только Ксюше эта сила уже не нужна.

Глаза, темные и блестящие, как перезрелые вишни, смотрели в потолок... Когда прозрачная занавеска закрывала Ксению, они казались живыми и счастливыми, как у невесты под фатой, но когда открывала – в них отражалась пустота, адская пустота с безразличием.

Рядом с ней валялся пистолет, две пустые обоймы и гильзы, много гильз. Отстреливалась она, что называется, до последнего. Сотовый телефон находился тут же, у ног Ксении. А бутылка коньяка нисколько не пострадала, она возвышалась возле босых ступней, рядом лежала пробка... И кровь, кровь на халатике из желтого атласа, на стене, на щеке, шее...

О, сколько ненужного хранит наша память и в самые неподходящие минуты возвращает нас назад. Шатунову вспомнилось, как давным-давно училка на уроке рисования объясняла как смешивать краски, у него это дело не получалось, с рисованием он не дружил. А она терпеливо долбила: «У тебя оттенки грязные. Красный с желтым не смешивай, эти цвета дают коричневую грязь. Но без оттенков рисунок будет плоский, грубый...»

Она ошибалась. Желтый халат Ксении остался желтым, пропитавшись красным цветом, были только красный и желтый цвета – никаких оттенков... никаких других цветов... И почти всегда так было в жизни Шатунова: без оттенков, грубо.

Он стал на колени, не зная, как дотронуться до Ксении. Где-то на периферии сознания сигналило: не бойся, она ничего не чувствует, совсем ничего. Но залитая кровью грудь не позволяла притронуться, ведь ей, должно быть, станет невероятно больно, стоит лишь слегка потревожить – думалось ему. Все же он осторожно приподнял ее за плечи и поразился, что в его руках уже не та Ксения. Вернее, это она, ее тело, только без нее.

Когда больно, кричат. Крик Шатунова и стал вырвавшейся болью, бессильной яростью. Был он и протестом против самой природы, соорудившей человека безобразно хрупким и уязвимым.

Словно испугавшись одинокого вопля, занавеска взметнулась и облепила Шатунова с Ксенией. Когда больно, еще и плачут. Плачут все: дети, женщины, старики, мужчины. Боль

делает равными всех. Шатунов стиснул зубы и зажмурился, задерживая слезы в глазах, проглатывая их вместе с болью и обидой.

Крючок догнал машину Стаса, поставил ее бок о бок, к счастью, на встречной полосе не было машин. Обе легковушки быстро сокращали расстояние, а внедорожник ни на йоту не прибавил скорости, хотя не заметить сзади света фар способен только полностью слепой. Граждане убийцы не подозревали о готовящемся захвате. Впрочем, «захватчики» ничем не выдавали своих намерений, они медлили.

Стас беспокойно поглядывал в сторону Гоги, а тот с обреченностью смертника смотрел на джип впереди, держа обеими руками между ног пистолет. В соседнем авто вообще темным-темно, там ждали команды, не решаясь атаковать первыми.

– Расстояние минимальное, – сказал Стас раздраженно, ведь надо же что-то делать. – Дальше – только врезаться им в корму.

Перевесила служба, Шатунов прилично платил фактически за отдых на рабочем месте, настала пора отработать бабки. Гога высунулся в окно, прицелился – надо ли говорить, что целиться в машине на ходу крайне неудобно?

– Господи, помоги никого не убить, – выпалил он.

И выстрелил. Следом выстрелил Крючок из второй машины, а вот потом сюжет развернулся, как в страшном сне.

Джип с убийцами как ехал по прямой, так и продолжил ехать, не отклоняясь от курса, значит, оба стрелка промазали.

Гога снова целился и вдруг... Стас перестал справляться с управлением! Не понимая, что произошло, он выкручивал руль в разные стороны, чтоб угадать шестым или даже седьмым чувством, где заклинило и почему.

А машину несло по намеченному только ею маршруту – к обочине, при этом она виляла задом, как девица на панели за сто рублей. Когда авто выходит из подчинения и ты не ощущаешь сцепления колес с землей, обманчивый полет железа, внутри которого находишься, приводит в состояние дикого ужаса. Стиснув зубы, Стас зажмурился и сгруппировался в момент «ныряния» в кювет. Сквозь треск и удары железа о землю он слышал, как Гога зверски матерится...

5

– Кто здесь? – вскинулась Сабрина.

– Это я, я, – шепотом сказала большая тень, подплывая к кровати. – Тата наглоталась колес и уснула, а я... я знала, что ты не спишь.

– Ну, тетя Маша... – на выдохе облегчения протянула Сабрина. – Ну и напугала ты меня...

– Дурочка, в доме, кроме нас, никого, – присев на кровать, которая под ее весом застонала, рассмеялась Маша. Но вдруг смутилась, подыскивая слова, оправдывающие ее появление, а подбирались они неудачные: – Извини, мне показалось, с тобой что-то не то... Ты росла на моих глазах... не чужая вроде... Правда-правда, не чужая... Я не из любопытства. Можешь не говорить, что с тобой, вмешиваться в личную сферу сейчас не принято...

Сабрина, натянув на колени ночную сорочку, обхватила их руками, переплетя пальцы, задумалась.

– Плохо, что не принято, – сказала она грустно. – Тетя Маша, раз уж пришла, может, ты расскажешь правду?

– Э-у... а... – стушевалась та. – Что?

– Вот и поговорили, – усмехнулась Сабрина.

– Нет, детка, если знаю...

– Конечно, знаешь, – перебила Сабрина. – Все вы знаете, но не хотите навредить маме. А она сама себе вредит. Отец оставил нам эту домину в счет алиментов...

И тут Маша, не желая того, встала на защиту Ленчика:

– Он не мог дать гарантии, что у него будет постоянная работа, поэтому решил обеспечить тебя жильем.

– Но давал деньги, – снова перебила Сабрина, – покупал мне одежду, между прочим, очень дорогую, игрушки... самые-самые.

– Не поняла, что тебя не устраивает?

– Я не устраиваю себя, я!

Сабрина сбросила ее руку, прыгнула с кровати и, копаясь в сумке, пару раз шмыгнула носом. Маша, имея троих детей (и единственного мужа), научилась остро чувствовать внутреннюю нестабильность близких и умела проявить сочувствие, которого многим не хватает. Она из породы отзывчивых людей, на большой груди которых можно безбоязненно выплакаться, это золотое качество делало ее почти святой.

– Итак, тетя Маша... – закуривая и возвращаясь на кровать, сказала Сабрина. – За что мама ненавидит отца?

– Разве? Ненавидит – это слишком громко сказано...

– Тогда тихо скажи, – поиграла словами Сабрина, но как-то уж мрачновато. – Ты же знаешь ее главную песню: отец не выполняет свой долг, не заботится обо мне, не думает о моем будущем, не дает денег. Ей в руки не давал ни рубля, но мне кидал на мелкие расходы, заплатил за обучение в институте. Я всю жизнь жила ее умом, делала, как она требовала, ни разу не заподозрив, что все не так, как преподносит мама. А когда появился Пашка... да, ревность во мне вскипела на пару с обидой. Но ведь и без Пашки ни мать меня не любила, ни отец...

– Ну что ты, Сабрина! Так только кажется...

– Хочу, – повысила она тон, обрывая неубедительные заверения, – окончательно определиться: заслуживает мой отец, чтоб я о нем забыла навсегда, или это мне нужно что-то сделать с собой?

– Но почему тебе сегодня приспичило, а не раньше?

Вопрос непростой, он начал ввинчиваться в голову еще у отца, когда Сабрина наблюдала за лихорадкой во время его сборов. В качестве супергероя, спешащего на помощь, презрев опасности, она его никогда не видела, этот образ не состыковывался с привычным шаблоном отца, созданным матерью. Выходит, родная дочь не знает родителя. А каким он еще бывает? Отец для нее – белое пятно, у него течет своя жизнь, Сабрина выпрыгнула из нее по собственной инициативе, теперь он не хочет ее пускать назад.

– Видишь ли, тетя Маша... – проговорила она задумчиво. – Я сегодня увидела, что отец без нас прекрасно обходится, а мы с мамой еле тащимся. Это ее идея – вернуть ему себя. Мол, после развода не женился, он однолюб, ему стоит намекнуть, и Шатун – у наших ног. Я намекнула. А он не понял! Я напрямую сказала. Оказалось, ему такое счастье даром не нужно. Знаю, мама хочет за его счет решить свои проблемы...

Сабрина сделала паузу и усиленно дымила, не решаясь окончательно вывернуть душу наизнанку. А не вывернешь – тетка Маша не даст достоверной информации, пришлось частично сознаться:

– Да и я не лучше. Тоже хочу решить свои проблемы. У меня ничего не получается, как бы я ни билась, – это просто рок какой-то, полученный в наследство, от Таты. Мне открылось сегодня, что отец – надежная опора, которой у меня никогда не было. Он может защитить, уберечь, поддержать, помочь, но все это не распространяется на меня...

– Распространяется! – с жаром возразила Маша. – Ты не знаешь его. Ленька ради друзей рубашку последнюю снимет, а ради дочери...

– Дочь и ее мать обидели его. Разве он не имел права заиметь сына, жену, любить их, строить личную жизнь, как ему нравится? А мы с мамой решили, что и на расстоянии он принадлежит нам. Я поздно это поняла. Давно хотела съездить к нему, повиниться... и выбрала неудачный повод. А сейчас хочу знать: почему он, если верить вам всем, безумно любя ее, ушел? Где логика? Разъясни, тетя Маша... мне очень нужно.

Вот попала – так попала! Но сама же притащилась в комнату Сабрины! В таких случаях муж Маши назидательно вещает: «Не делай больше долга своего». И отказать нельзя, ведь не исключено, что Сабрина извлечет уроки из глупости Таты и наладит отношения с отцом. В то же время не хотелось подругу в глазах дочери чернить и выставить душой, каковой та являлась.

– Зря ты настроена против мамы... – пролепетала Маша.

– Да нет же, нет! Вернее, я настроена давным-давно, твое толкование не способно ни убавить негатива, ни прибавить. Тетя Маша...

– Боюсь, буду далека от объективности, – нашла она удобоваримую причину для отказа. – Кто-то обманул, а кто-то заведомо обманулся, потому двое не ладили. Не мне их судить, да и не тебе. Главное, ты родилась.

– Ладно, – неожиданно отказалась от уговоров Сабрина. – Иди спать, тетя Маша.

– Не обижайся, девочка, – протянула та.

– Нет-нет, я понимаю: подруги...

По простоте душевной Маша проговорила: «Кто-то обманул, а кто-то заведомо обманулся...» Теперь нужен тот, кто поставит диагноз давнишним событиям. И такой человек есть – муж тети Маши, который великолепную Таточку терпеть не может, но хотя бы ровно дышит к Сабрине. А насчет судить... так ведь все судят, осуждают и обсуждают, в этом нет ничего преступного.

Пять часов утра. Наверху работала группа – наехало видимо-невидимо стражей порядка разбираться в ночном беспорядке. Тем самым оказан почет убитой, как-никак, а застрелили заместителя прокурора, жену бизнесмена.

В гостиной Шатунова допрашивали два следователя, поднятые с постелей среди ночи, отчего вид у обоих был слегка всклокоченный. Оба расположились на диванах, придвинув

ближе журнальные столики, оба что-то писали на столешницах из темного стекла, недоверчиво поглядывая на Шатунова. Надо признать, ответы допрашиваемого были несколько нелепыми. Что должны думать следователи, слушая его?

– Как вы здесь очутились?

– Ксения... Эдуардовна мне позвонила.

Шатунов запинаясь, произнося имя убитой. После незначительной паузы добавлял отчетство, прятал глаза за наклоном головы, в общем, давал повод к подозрениям. Но в чем? Это же он настоял на немедленных показаниях, а как дошло до дела – невнятно мямлил, будто хлебнул двухсотграммовый стаканчик спирта. Притом выглядел убитым, следователь постарше даже предложил позвать врача из «скорой», но Шатунов отказался наотрез. Странноватый свидетель.

– И что она вам сказала? – спросил следователь постарше, убежденный сединами.

А на вид ему не больше сорока пяти, внешне тянул он на интеллигента-гуманитария, например, историка или филолога. Он спокойный, тактичный, тщательно отбирал слова, явно не желая оскорбить свидетеля, видимо знал, с кем имеет дело – с большими деньгами, которые имеют силу ядерной бомбы с известными последствиями.

– Сказала, пришли ее убить, – ответил Шатунов после паузы.

– Но почему она позвонила именно вам? – задал логичный вопрос молодой следователь.

В противоположность первому этот мальчик нервического склада и с ярко выраженной заносчивостью, из-за чего не понравился Шатунову. Нет, они не играли в старую игру «добрый – злой следак», просто ситуация необычная, каждый пытался ее понять в силу способностей и опираясь на базу личного опыта. Шатунов на вопросы молодого человека отвечал, но игнорируя его полностью, ответы он адресовал старшему:

– Когда-то она помогла мне, я ее должник.

– И вы добрались сюда за каких-то полчаса? – спросил юноша.

Это что, намек? Дескать, лукавите, спаситель чужих жен, за это время только кошка успеет дорогу перебежать, похоже, вы участник преступления. А глаза мальчика так просто уличали! Они зацепились за пятна крови на рубашке Шатунова и всматривались в них, как будто среди пятен написаны имена убийц, но неразборчиво. Казалось, еще чуть-чуть – и паренек вскочит, укажет на Шатунова пальцем и закричит в торжествующем экстазе: «Ага! Вот он!»

Другой уже нахамил бы ему: «Чего уставился? Ну, кровь, а не клюквенное варенье, дальше что? Отврати рожу, иначе я сам ее отворочу». Но Леонид Федорович на всякую кусачую мошку не реагирует, к тому же ему было слишком плохо (морально, разумеется), чтобы вступать в полемику с сопляком-дураком и что-то ему доказывать.

– Да, мы добрались быстро, – сказал он сухо и коротко. – Мой дом на окраине... ну и скорость я превысил. Потому что надеялся спасти ее.

– А как бы вы спасали?

Наконец Шатунов надолго остановил тяжелый свинцовый взгляд на молодом следователе. С минуту он бесцеремонно разглядывал его, затем без красок в интонации, но с убеждением мстителя сказал:

– Перестрелял бы убийц. Всех до одного.

– А сколько их было? – подлавливал тот.

– Ксения... Эдуардовна видела трех человек. В масках.

– Кстати, у вас имеется разрешение на оружие?

– А я похож на человека, у которого чего-то не имеется?

Седой следак хихикнул в кулак, кстати, он больше наблюдал за Шатуновым, может, тоже готовил ловушки. Дело-то громкое, завтра, точнее, сегодня о нем разразятся по ТВ, город наполнится невероятными слухами, народ будет жаждать продолжения с подробным ходом следствия, а начальство – разоблачения. Их устроит любая абсурдная (официально – рабочая)

версия, всем же нужна хоть плохонькая, но кость, которую кидают, чтоб подавить на первых порах нездоровую шумиху. Ну, пусть попробуют сделать из Шатунова кость – своих косточек не досчитаются.

В принципе какое именно впечатление произвел лично он на следователей – плевать, Шатун изучал старшего следака. По логике у него большой опыт, но он какой-то безынициативный, как выжатый. Молодой, наоборот, чересчур инициативный и торопливый, мало шевелился извилинами. В общем, ни тот ни другой ему не подходили.

Сверху спустили на носилках Ксению, накрытую простыней, и Шатунов невольно поднялся...

– Можете идти, – сказал ему седой. – Мы вас вызовем.

Не прощаясь, Шатунов последовал за носилками, а во дворе шепнул Марину, который сидел без дела в пластиковом кресле, вытянув длинные ноги в кроссовках:

– Сгоняй к окнам, послушай, о чем они...

Марин подхватился и бесшумно исчез за углом дома, а Шатунов проводил Ксению до медицинской машины, на которой ее увезли.

Вот и всё... Идя к своему джипу, он думал об этом слове – «всё», о том, какой разрушительной силой оно обладает. Всё – это когда отмирает часть души и сердца, когда отсекается значительный жизненный отрезок, заполненный надеждами, значит, и смыслом. Вместо этого через поры кожи внутрь просачивается пустота с холодом, и поскольку пор сотни тысяч, тело заполняется быстро, вымораживая чувства, кроме одного – ненависти. Ненависть никто-никто не видит, даже тот, кто ощутил ее в себе. Но она есть. И это такая чернота бездонная – страшно туда заглянуть, потому что нет в ней конца. Нет и опоры, от которой можно оттолкнуться и улететь подальше, иначе быть беде. Шатунов обречен. Вот что означает – всё.

Он забрался в джип, сунул сложенные ладони между коленями, нахохлился, втянув голову в плечи, и так сидел. Он привыкал к образовавшейся ненависти, крепчавшей с каждой минутой. А она требовала крови, этого же жаждал и он, в общем-то, они срослись – так скоро?

Южин не расспрашивал, что да как было, почему долго держали, хотя был из категории любознательных и пристающих людей. Он достал пачку сигарет, открыл дверцу, чтоб выйти покурить, оставив шефа наедине с темной силой, что угадывалась в нем, но Шатунов попросил:

– Дай и мне закурить.

А он не курящий, бросил когда-то из-за сына, чтоб не дышать на мальчишку всякой дрянью, к тому же некурящий отец – положительный пример для ребенка. Водитель услужливо сунул в рот шефа сигарету, щелкнул зажигалкой, при этом весь его вид выражал сочувствие. Шатунов ничего не видел. Он, тупо глядя перед собой, сидел без движений, нервно гоняя зубами сигарету из одного угла рта в другой да выпуская густые клубы дыма. Южину показалось, шеф способен воспринимать человеческую речь, ну и осмелел:

– Ребята звонили, в аварию влетели. Живы и то хорошо... Ждут нас.

– Поедем, – пообещал тот.

Но команды заводить мотор не последовало, а без приказа Южин с места не сдвинется.

Въехав в гараж, Гектор заглушил мотор и обернулся. Люка и Хок, сидевшие на заднем сиденье в задумчивости, поймали его взгляд из-под нависших бровей, означающий: вымчитесь, путешествию конец. Люка открыла дверцу, прыгнула на пол, бросив неподвижному Хоку:

– Сумку заberi.

Тот неохотно зашевелился. Подтянул к себе сумку, в которой лежало оружие, ну и кое-какие инструменты, нажал одним пальцем на рычаг – дверца дрогнула, открывшись, а он не торопился выйти.

– Шевелись, Хок, – бросил сипловатым голосом Гектор, расстегивая на груди черный комбинезон. Спихватившись, он достал большой черный пакет, встряхнул его и расправил на полу гаража, приказав: – Переодевайтесь.

Люка одним движением сняла шапочку, превращающуюся в маску с прорезями для рта и глаз всего за секунду, расстегнула молнию на куртке и, не стесняясь мужчин, стащила ее с себя, оставшись в белоснежном бюстгалтере. Она скинула и ботинки, стащила брюки, все бросила в черный пакет на полу.

Черты ее лица не для обложек глянцевого журналов, очерчены жесткими линиями и с первого взгляда грубоваты, но передают волевой характер, внутреннюю силу, решительность. В век повальной инфантильности люди с волевым началом магически притягивают глаз, легко запоминаются, но трудно поддаются описанию, ведь то, что ощущается на подсознательном уровне, не имеет точных примет. Подобных людей можно узнать только, встретившись лицом к лицу еще раз, а составить фоторобот – задача практически непосильная, Люка знала об этой своей особенности.

У нее первоклассная фигура без признаков анорексии. Жирок под кожей, тем не менее кости упакованы в плотные, округлые мышцы и идеальную кожу. Она знала: Хок с Гектором украдкой косятся в ее сторону, мысленно оба владеют ее телом, особенно сегодня не отказались бы оба снять напряжение. Но свального греха в команде нет и быть не может, все же собрались вместе не отморозки с одной извилиной на всех, заточенные лишь на кайф. Однако сегодня и Люка ощущала невероятное напряжение, с которым едва справлялась.

Гектор побросал последние вещи в пакет, попросил проверить, не забыли ли чего, поднял тюк одной рукой, сказав:

– Приготовьте поесть, я вернусь через часок.

– Куда ты? – спросила Люка, натягивая футболку. Вопросов к нему у нее было очень много, очень. И все требовали немедленных ответов.

– Уничтожу обмундирование, – бросил он, выходя из гаража.

Во дворе стояли еще две машины – импортная и семерка. Гектор взял семерку. Ни Люка, ни Хок не вышли из гаража до тех пор, пока не растворился в ночи звук мотора. А ночь в этой части города была образцово спокойной и, как назло, настраивала на лирическую безмятежность.

На полпути к дому Хок остановился, закуривая, поднял лицо к небу, да так и застыл. Люке пришлось обойти его, ступив за дорожку прямо в рыхлую землю, предназначенную для огородных культур, которые некому сажать. Группа Гектора снимала этот дом вместе с садом и огородом, да любителей покопаться в земле, почувствовать ее, ощутить связь с природой среди них не нашлось.

Поворачивая ключ в замке, она оглянулась – Хок все еще стоял с запрокинутой головой. Он наполовину хоккеист, наполовину ассасин. Не взяли его в лидирующую команду, но не потому, что бездарный, нет. Просто Хок неудачник, а неудачникам всегда что-то или кто-то мешает, например, интриганы, которые были, есть и будут. Отсюда и кличка – урезанная от слова «хоккеист», как напоминание, что и клички он удостоился усеченной. Прошлое Люки – тоже спорт.

– Что ты там ищешь? – спросила она без тени насмешки.

– Звезды, – отозвался он. – Их нет.

– В городе много света, поэтому не видно звезд.

– А я думаю, они обходят стороной города, здесь им нечего делать.

Люка предпочла бы, чтобы сейчас Хок смотрел не в бездну над головой, тем более там ни черта не видно, а в ее глаза. Сказать, что она влюблена в него как кошка, – это будет неправдой, но парень он что надо, а физиологию никто не отменял. Правда, Хок мягок, пожалуй, слишком. И сегодня замешкался, не стрелял, а застрял у трупы Ана. Но это потому, что он новичок

в команде, не привык к работе. Впрочем, ей нравится в нем мягкость и человечность, а ее жесткости хватит на двоих, жаль, поползновений он не делает, только смотрит на нее украдкой, ну и дурак.

Она включила свет в прихожей и, переступив порог, замерла, ощутив на затылке дыхание. Люка резко обернулась...

– Не слышала, как ты подошел.

– Зачем Гектор это сделал? – произнес тихо Хок.

Не ответив, она ушла на кухню, но он догадался: этот же вопрос сидит и в ее голове. Хок поплелся туда же, на кухню, и, прикурив вторую сигарету, наблюдал, как Люка готовит еду, не делая при этом лишних движений. Она точна, как логарифмическая линейка.

Салон внедорожника заполнился клубами дыма, щипало глаза. Неожиданно шеф выплюнул сигарету в окно, Южину показалось, он принял какое-то решение, водитель весь собрался и приготовился к приказам. Ошибся. Шатунов продолжал молчать, пока в джип на заднее сиденье не запрыгнул Марин.

Положа руку на сердце, Южин этому парню завидовал. Без злобы. Скорее, его зависть сродни восхищению. Южин уже никогда не будет таким молодым – Марину тридцать три года; не был и не будет высоким, с надутыми бицепсами, с шеей быка и физией, от которой тащатся что девчонки, что бабы. Никогда Южин не был самоуверенным и довольным, наверное, жить с этими ощущениями легко и весело, но некоторым не суждено узнать, как это – жить с чувством удовлетворения и легкостью в душе. Вероятно, поэтому Марин улыбаясь, слегка нагловат, раскрепощен. Южин устыдился: о чем он думает в эту жуткую ночь!

– Ну что там? – заерзал Шатунов.

– Погибшая отстрелила две обоймы...

– Это я видел, – прервал Шатунов, а добавил тихо: – И слышал.

– Не перебивайте, Леонид Федорович, – мягко осадил его Марин, и Шатунов стерпел, потому что понял: парню удалось кое-что узнать. – Ее застрелили профессионалы, с их стороны было только четыре выстрела – все по цели.

– Четыре? – поднял брови Южин, повернувшись лицом к Марину. – Всего-то? А палили, как на войне.

– Вы слышали, как стреляла Ксения Эдуардовна, – сказал тот. – А киллеры, полагаю, воспользовались глушителями. Ни один уважающий себя профессионал не устроит концерт для тех, кто спит.

– Но четыре! – не успокаивался Южин. – А как догадались?

– Четыре гильзы, четыре дырки в теле – что тут догадываться, Южин? Теперь труп мужчины... В него стреляли дважды. Когда он был живым, вошел в помещение под крышей один. Ксения Эдуардовна выстрелила в него и убежала за перегородку. Сообщники, прибежав на выстрел, не могли войти – мешал труп. Его немного сдвинули, о чем говорит кровавый след на полу. Ну а потом они стреляли. Но! Когда уходили, выстрелили в затылок своему товарищу! Больше некому было стрелять. Стволы забрали – экономные ребята, кстати, это неправильно.

Южин и Шатунов мысленно воспроизводили картину со слов Марина, а описал он достаточно красочно, раз даже водителя смутила логика убийц, о чем он тут же заявил:

– В мертвого?! Они что, привидений боятся? Так привидению один хрен, сколько пуль получило тело.

Что на это скажешь? Марин рассмеялся, тут же осекся, вспомнив, что повод для смеха неудачный, и извинился перед Шатуновым:

– Простите. Южин, если б ты любил боевики про крутых пацанов, то знал бы, что, когда в человека стреляют с близкого расстояния, будет два отверстия от пули: входное и выходное.

Входное – маленькая дырочка, а выходное может распанхать так, что родня не узнает. Следовательно, в труп стреляли, чтобы... что?

– Родня не узнала? – с сомнением произнес Южин.

– Молодец! – ударил его в плечо Марин. – Имея портрет убитого, выйти на преступников, возможно, было б несложно. Убийцы изуродовали лицо, чтоб усложнить поиски, но пропустили одну деталь.

– Какую? – обернулся Южин.

– Отпечатки пальцев. Времени прошло мало, у трупа отпечатки сохранились, как у живого. Если они есть в базе данных, я имею в виду базу данных преступников, личность выйдет из тени.

– Личность не скажет, кто ее нанял, она убита, – угрюмо констатировал Шатунов.

– Согласен, это заказуха, – сказал Марин. – Заказчика, как водится, не находят...

– Совсем? – опечалился шеф.

– Исключения только подтверждают правило.

Ответ не удовлетворил Шатунова, он шумно засопел, заерзал и, толкнув в бок Южина, буркнул:

– Поехали. К месту аварии. – А через некоторое время произнес: – Но исключения все же бывают.

Эта часть дороги – ветка от основной, проложили ее лет сорок назад. В те далекие времена качественная дорога нужна была для перевозок сельскохозяйственной продукции – зерна, живности и т. д., таким образом разгрузили основную дорогу. И сейчас возят ту же продукцию, правда, в меньшем количестве, но, экономя на бензине, едут по основной дороге (она же короче), создавая пробки. А здесь всегда пусто.

Южин затормозил на обочине. Четыре человека, отдыхавшие на травке, поднялись на ноги, встречая шефа, были они чуть целее угробленных автомашин. Стас придерживал рукой платок, который приложил к ране на голове, потеки крови на его шее успели подсохнуть, одежда была грязной. Так же выглядели и остальные, одному Гоге относительно повезло, во всяком случае, от потери крови он не умрет. Смотрел Гога в сторону – совесть не позволяла глянуть в глаза шефу.

У кювета Шатунов остановился, рядом с ним встал Южин и присвистнул одновременно с Мариным – пожалуй, сильнее не выразишь отношения к аварии.

Автомобиль Стаса, изрядно пожеванный, видно, пару раз перевернулся, стоял на колесах. Вторая машина повреждена меньше, всего лишь носовая часть, но подлежит ли она восстановлению – на поверхностный взгляд ответ отрицательный. Машина удачно, если можно так выразиться, скатилась с крутого склона и врезалась носом в первый автомобиль. Короче, если б не первая машина, вторая, без сомнения, кувыркалась бы долго и нудно. Но и дополнительный урон первой легковушке она нанесла крупный: задняя дверца вмялась глубоко в салон. Счастье, что сзади не сидел пассажир, иначе его давно баюкали бы ангелы.

– Это что? – после длинной паузы процедил Шатунов, указав подбородком на помятые авто.

Сам по себе вопрос, конечно, дурацкий, задать его мог тот, кому нужен телескоп, чтоб разглядеть корову перед носом. У Шатунова зрение, как у орла, который видит суслика с пятикилометровой высоты, значит, в самом вопросе заложена ирония с вытекающими последствиями. За неполных сорок лет Гоге не приходилось бывать в жестоких переделках, у Шатунова же не служба, а лафа, и так продолжалось лет десять. Но вот представился случай показать себя в деле и лопухнулись так, что теперь Гога не знал, к какой казни готовиться. От ответа не увильнешь, пришлось поведать о коротком и прискорбном приключении:

– Мы их догнали. Договорились с Крючком стрелять по колесам, я выстрелил первым, сразу за мной – Крючок...

– Ну?

Поскольку в Шатунове не чувствовалось ни йоты агрессивности, Гога осмелел и позволил себе толику гнева:

– Нашу тачку вдруг повело! Я не понял, чего ее заносит! Гляжу – Стас не может выправить, хватаюсь за руль... чтоб помочь ему! И тут нас – на бок! Слышу – крыша трещит, все мелькает, где я – не пойму. Потом кидануло, еще разок перевернуло...

– Короче, – сказал Шатунов.

– Можно я? – вступил Крючок. – Я знаю, почему мы смялись. Когда мы с Гошкой выстрелили и... и не попали... из джипа с разных сторон открылись дверцы и показались двое. Они выстрелили сначала по колесам Стаса...

– Стало быть, попали? – уточнил Шатунов.

Крайне неприятно признавать, что кто-то искусно тебя обставил, а куда деваться? Тут еще Марин спустился вниз и рассматривал «убитый» транспорт, что раздражало пострадавших.

– Ну да, – вздохнул Крючок. – И сразу по нашим колесам... А тут откос ведет вниз, ну, мы друг за другом... Машину Стаса задержали бетонные столбы – и откуда они там? Иначе... мы костей не собрали б.

– Ммм, стреляли ювелирно, – подлил масла в огонь Марин, присев у колес.

Шатунов ходил туда-сюда вдоль обочины под виноватую речь Крючка, парня простоватого, безобидного и чуть-чуть туповатого, но охраннику большой ум вроде как не нужен:

– Посмотрел бы я на тебя, Марин, если б ты был на нашем месте. Уж точно не скалился бы, как сейчас. Срезали нас за секунду! И по газам дали. А могли убить. Запросто. Но не убили.

Непроизвольно пострадавшие в аварии перевели взгляды на автомобили – жалкое зрелище, не ремонт светил машинам, а кладбище.

– За что я вам плачу? – Начал Шатунов с тихой ноты, но потом разошелся... Что показательно – вовсе не разбитые иномарки разозлили его. – За что бабки получаете, я спрашиваю? От вас много-то не требуется! Сами себя охраняете, так, по крайней мере, должны... Нет, обязаны! Вы обязаны уметь стрелять! И попадать! На ходу, на лету, вниз головой, на одной ноге, но попасть обязаны! Вы превосходили их уже тем, что на двух машинах, могли действовать отдельно! И упустили... Ай!

Досадливо махнув рукой, он отправился к джипу, Южин кинулся на место водителя, а Марин тем временем, выбираясь из кювета, успел успокоить раненых:

– Не раскисайте, не выгнал же! Позвоню Лапиным, они приедут за вами и вызовут эвакуатор. Сочувствую, но облажались вы, ребята.

Южин ему просигналил: ждем. Оставив четверку загорать в безлюдном месте, где не купишь ни пива, ни еды, ни лекарств, он запрыгнул в салон. Внедорожник, сделав полукруг, умчался к городу.

Шатунов обоим (Южину и Марину) велел идти в дом, не объясняя, зачем они ему. Встретил их Иваныч – высокий и поджарый старик, исполнявший обязанности эконома-распорядителя. Он – неотъемлемая часть прошлого Шатунова, его левая рука, которая ничего особенного вроде бы не делает, но без нее нельзя. Шатунов, взбегая наверх, бросил ему всего одну фразу:

– Отведи их в комнаты, они у нас ночуют.

Ночуют! Днюют – другое дело. Когда хозяин убежал, Иваныч перевел бледные, с чуть заметной голубизной глаза на гостей и шепотом осведомился:

– Куда ездили?

– Спасать женщину по имени Ксения... Больше ничего о ней не знаю, – частично удовлетворил его любопытство Южин. – Слышь, Иваныч, пожрать не сообразишь?

– Идите в столовую. И что, спасли?

– Застрелили ее, четыре пули всобачили.

– В Ксению?! – ахнул старик, порядком расстроившись.

Что замечательно в нем – так это усы, точь-в-точь у моржа, нависшие над губами и не гармонирующие с аскетическим лицом. Они жили отдельной от хозяина жизнью, смешно шевелились даже во время молчания Иваныча. Впрочем, в этом старике все пропорции нарушены: руки, ноги и лицо длинные, глаза круглые, туловище короткое, речь медленная, а движения быстрые. Несуразный какой-то.

– Иваныч, ты знал ее? – поинтересовался Южин.

– Я? Нееет.

Иваныч старательно протянул слово «нет», а убедить не получилось. Чтоб замять эту тему, он зашаркал в сторону кухни, оттуда принес еду и приборы, поставил на стол и поторопился уйти, словно накопилась куча дел, которые необходимо переделать только на рассвете, не позже.

– Врет дед, – констатировал Марин. – Он знает, кто она.

– Ну и что? – фыркнул Южин. – Ты его хоть пытай, не расскажет. Выпьешь?

– Не пью, – отказался Марин, поедая холодную курицу с огурцами и помидорами.

– Ты гляди, какой... – протянул Южин насмешливо. – Прямо как ненастоящий.

Непьющие нынче – наподобие говорящей кобры, больше пугают, чем восхищают. Водку и рюмки поставил на стол предусмотрительный Иваныч, водителю осталось налить и выпить, что он и сделал. Выпить-то выпил, на вилку наколол маринованный гриб, но не отправил в рот, несмотря на голод, а посетовал:

– Ух, и хреновый был день... я хотел сказать, ночь. Больше всего мне не понравилось, что наш Шатун назвал той суке, которая пришла с убийцами, свое полное имя.

– Да? – как будто не удивился Марин. – На этом факте остановимся подробнее. Я весь внимание...

Часть вторая

Два стана и одна цель

1

Ранним утром Маша понеслась домой, ведь без нее земля под домом провалится, дочки помрут с голоду, а муж с горя повесится на первом суку. Неожиданно к ней в машину забралась Сабрина:

– Теть Маша, я – к вам. Мне нужна помощь дяди Володи.

Для пушей убедительности она потрясла перед ее носом заготовкой – агрегатом, напоминающим моторчик. Маша с техникой не дружила, самое большое ее достижение в данной области – умение управлять автомобилем и бытовыми приборами. Другое дело муж, у него самолет полетит без крыльев, автомобиль поедет без колес, так что желание Сабрины встретиться с ним по части моторчиков вполне естественное и подозрений не должно вызывать. Все бы ничего, если б не ночной диалог, к тому же Сабрина не частая гостя в их доме, выходит, ей что-то нужно? С другой стороны, муж в дом Таты не придет даже под страхом смертной казни, Сабрина это знает. Кстати, дочь подруги вовсе не походила на потерянную девочку, какой Маша застала ее ночью, а с мужем они когда-то заключили договор: историю Леньки и Таты – никому и никогда! Тем более дочери! Да ни за что!

Успокоившись, Маша привезла Сабрину домой, проводила через сад, в котором, благодаря стараниям мужа, растительность разрослась будто по волшебству и в отдельно взятом государстве с особым климатом. Владимир Витальевич оборудовал за садом два сарая под мастерские, а делать умел... легче сказать, чего не умел.

Он повертел агрегат жилистыми руками и вопросительно взглянул на девушку. Личико Сабрины осталось бесстрастным, лишь глазки она скосила на Машу, дескать, тетя здесь лишняя. Немного подумав, он небрежно бросил жене:

– Маруся, принеси нам компотика... Нет, лучше кофейку свари.

Простодушная Маша побежала варить кофе, уверенная, что ее Володя (человек моральных принципов) при всей нелюбви к Тате не внесет раздора между дочерью и матерью. Едва шаги жены перестали слышаться, он кинул на ржавый железный стол агрегат, не без удивления поинтересовавшись:

– Зачем тебе мотор от мопеда? Потянуло на ретротранспорт?

– Это предлог. Тетя Маша не хочет говорить правду, а я хочу знать.

– Что именно?

– Почему отец ушел от нас?

Есть мужчины, которые добираются до полтинника и на них смотреть противно, они выжатые и сморщенные, как вялый корнеплод, к отталкивающему виду плюсуется дурной характер. Стройный Владимир Витальевич, если его одеть в приличный костюм, постричь по моде серебристые волосы, в пятьдесят шесть заткнет за пояс щеголя не старше сорока. Но это внешняя оболочка, а вот нрав у него тяжелый. Сабрину он считал испорченной куклой наподобие Таты, никогда не лез к ней с разговорами, она тем более игнорировала его, а сегодня озадачила.

– Чего это вдруг приспичило? Не поздновато спохватилась?

Сабрина знала: ложь он чует, юлить с ним не имеет смысла; не всегда дядя Володя деликатен, зачастую вспыльчив, но, как говорится, с ним в разведку можно идти смело. Собственно,

принцип общения с ним она продумала до того, как появилась пред его очами, посему без паузы сказала правду, но утаила причину, развернувшую ее к родному отцу:

- Мне не удастся наладить отношения с папой...
- Сама виновата. Гонор у тебя зашкаливает.
- Наверное. Но если он негодяй, как говорит мама...
- Кто? Леха негодяй?

– ...должна же я это знать? Знать хотя бы для того, чтоб не питать иллюзий. Вы до сих пор дружите с ним, значит, он того стоит, да?

Провокационно задан вопрос. И Владимир Витальевич клюнул на провокацию, устроился в полуразвалившемся кресле, закурил трубку, закинул ногу на ногу и поедал глазами Сабрину. Нужно еще что-то сказать ему, более убедительное и действенное – что же? А она вдруг расклеилась, скорей всего, себя стало жаль, вот и навернулись слезы, голос предательски задрожал:

– Сожалею, что так вышло. Я ревновала его к Пашке, мне казалось, он не так меня любил, не так заботился обо мне... Вы правы: приспичило. У меня проблемы... собственно, это не интересно... В общем, мне и стыдно, и обидно... Так кто там виноват, дядя Володя?

Вероятно, отчаяние, а именно это чувство лидировало среди разнообразнейших и противоречивых эмоций, он принял за искреннее раскаяние. Не заметил, что Сабрина не договаривает, следовательно, ее правда прилично обрезная. Указав ей глазами, куда сесть – на деревянный ящик, Владимир Витальевич обрадовал Сабрину:

– Не вижу причин для отказа. Но тебе будет неприятно слушать, к тому же вряд ли я обойдусь без комментов.

- Переживу, я девочка большая.
- Не перебивать! – погрозил он пальцем.

Звезда его очей

Когда-то Тата, молодая и красивая, авансом получила весь набор из торбы госпожи Удачи, по тем временам набор был офигенным, но аванс нужно отрабатывать. Кстати, небеса более требовательны к долгам, компромиссы они не приемлют. Очутившись на гребне успеха и взлетев по социальной лестнице где-то близко к вершине Олимпа в отличие от мужа (Ленчик числился кочегаром), Тата потеряла платформу под ногами. Оторвалась она от земли и парила, как стрекоза, тогда как муж ползал по электричкам, мотаясь почти каждую неделю за «грязью» и рискуя надолго сесть туда, откуда небо видят только в однообразную клеточку.

Поначалу Ленчик не обращал внимания, что жена постоянно зудит: не так сидишь, не так ешь, не то говоришь. Замечания делались в полушутливой форме, а он давно относился к себе критически и прислушивался без обид. Но существует закономерность: разрешаешь близкому человеку (другу, жене, мужу) хамить в малом, жди большого свинства. Так и случилось, правда, до этого раздражительность Таты и вечную усталость он списывал на завистников, мешающих жене проводить реформы, она же у него – о, ух, ах! Нежданно-негаданно, как это всегда бывает, Ленчик получил мощнейший удар, выражаясь фигурально, прямо по голове, отчего та из заоблачных высот вернулась на плечи и укрепилась там навсегда.

Накануне вечером Тата поставила мужа в известность, что едет на деловую встречу. Навела она марафет, облила себя французскими духами (безумной стоимости) и наносила последние штрихи, подчеркивающие красоту, как вдруг Ленчик – оп-ля! Тата как стояла перед зеркалом, так и застыла, глядя на его отражение, не сообразив хотя бы закрыть рот и повернуться к мужу анфас. А он, жуя спичку, облокотился плечом о стену и пассивно произнес:

- Ты еще дома? Может, тебя отвезти?

Тата потерялась и расстроилась, не сумела скрыть этого:

– За мной Машка обещала заехать... Ты же сегодня на дежурстве! Признавайся, что-то случилось?

Интуиция... О, эта ехидная и древняя дама, сидящая в каждом человеке, не преминет подсказать: внимание, тревога, берегись, остановись. Но кто ж ее, интуицию, слушает-то? И Тату не подвела старушенция, обратила ее царственное внимание, что Ленчик какой-то необычный, что между ними образовалась прослойка из недосказанности, отчуждения и решимости, которую выдавали глаза мужа. Но Шатун, быстро соорудив невинную физиономию, заверил:

– «Что-то случилось» ко мне не относится, потому что я планирую все случайности. Сигналят, слышишь? Машка приехала, не заставляй ее ждать.

– Ну, пока.

Благоухающая, сверкающая, шагающая впереди моды благодаря дураку Ленчику, Тата дежурно чмокнула его в щеку и поскакала к машине, из окна которой выглядывала Машка – худышка и хохотушка с задорными ямочками на щечках. Растянув рот до ушей, Шатун помахал ей и, как только «жигуль» общей подружки растаял в клубах серой дорожной пыли, сменил мимику на выражение бездомной собаки, у которой отняли сахарную кость. Так ведь отняли! И кто?! Тата.

Некоторых ложь ранит смертельно, например, Ленчика. Тата солгала, и он об этом узнал. С тех пор Леха Шатун ненавидит, когда ему лгут, само собой ненавидит и тех, кто лжет. Любимая жена (действительно, любимая) заливала, будто едет чуть ли не на симпозиум кабатчиков решать вопрос по ценам, а сама отправилась на банальный банкет по случаю повышения ресторанной шишки на должность городского «министра» общепита.

Но у Ленчика-то знакомых куча. Икорку куда он сплавлял? В те же кабаки, кафешки, бары, ну и частным лицам кидал по цене чуть ниже ресторанной. Его знали и уважали, конечно же пригласили на банкет, передав приглашение вместе с Татой, а она... она решила оставить мужа дома!

Ленчика захлестнула обида. Это же пренебрежение им, унижение, оскорбление. Это удар ниже пояса, выстрел в голову... Он места себе не находил и обошел дом – все комнаты, все этажи, включая цокольный, словно искал в закоулках прошлое, которое прожил в счастливом заблуждении.

И нашел все восемь лет – в балках и лестницах, в стульях и креслах, занавесках, коврах, хрустальных вазонах... Везде, куда ни кинь взгляд, стояли, лежали, висели его восемь лет! Риск, тяжесть, бессонные ночи в электричках, проблемы с позвоночником, сухомытка и то не всегда, сбивчивый режим, вернее, полное его отсутствие, усталость... все делалось для Таты. Даже если б она воровала из кабака ящиками, то не построила б этот дом, не забила б шкаф дорогим шмотьем, не имела б домработницу, не... не... не...

Что об этом говорить! Ясно одно: солгала. Зачем? А у старухи интуиции ответ готов... и этот ответ еще страшней, чем предварительная ложь.

Ленчик прилег на диване перед телевизором. Следовало выждать время. Из двух программ по телевизору остановился на той, где демонстрировали оперу, – не новости же слушать про удой молока. Музыка брала за душу, хотя Шатун, сколько ни пытался, а не понимал великое искусство оперы. До этого дня, оскверненного ложью, не понимал. Собственно, некогда было вникать...

Одним из первых в городе он выстроил двухэтажный райский шалаш, приобрел четыре колеса. Купить машину запросто, как сейчас, было невозможно, даже отечественную тарантайку, не говоря об иномарках, которые советские граждане видели лишь в зарубежных кинофильмах. Видеть – видели, но даже не мечтали о них.

Тата одевалась только в фирму, а прикид подбирал муж. Каким-то образом Ленчик разбирался в моде, качестве, имел вкус, что до сих пор являлось для всех загадкой, и это

были единственные его достоинства – по мнению Таты. Просмотрев бирки и швы, Ленчик с ходу определял: подделку или фирму? ему загоняют, впрочем, мало кто рисковал предложить Шатуну самопал. Но тут стоит внести поправку: Ленчик со вкусом одевал жену, давал ценные советы той же Машке, что ей пойдет, сам же как напаялит что-нибудь несусветное – караул кричи.

Она просто купалась в сливочном масле (между прочим, и масло было дефицитом), но работу Тате не позволяло бросить честолюбие. А где бы она форсила в нарядах и бряцала золотыми побрякушками, на кухне, что ли? Однажды Тата робко высказалась, что ей грозило бы повышение, если б имелось высшее образование. А Ленька что:

– Да поступай в институт, кто против?

Но она чуток подзабыла, чему училась в техникуме, разумеется, отдавала отчет: вступительные экзамены завалит с треском. А для чего у нее муж – опора, фундамент и таран? Ленчик нанял репетитора (члена приемной комиссии), потом кинул на лапу тому-другому и сделал женушку студенткой. Училась Тата сначала на дневном отделении, потом перешла на заочное обучение, так как ей предложили место заведующей кафе. Редчайший случай тех лет – через полгода после института она стала директором нового ресторана. Общепит принадлежал государству, следовательно, снабжение получали от него же, государства, а поскольку заведение не кровно-родное, то и воровство цвело махровым цветом. Это сейчас Тата за украденную булку в горло вора зубы вонзит, потом выгонит, а тогда...

«Куртизаны – исчадья порока...» – стenal горбун на экране. Ох, как сильно он стenal, аж душа рыдала. Но Шатунов полагал, что рыдать пока преждевременно, и оставил пять процентов на избитое недоразумение, хотя интуиция посмеивалась над неубедительными процентами. Он, как и Тата, тоже не хотел ее слушать, не хотел, а слушал, потому что сердце кровью обливалось, словно заглянув в ближайшее будущее и ужаснувшись.

– Вы слушали оперу Джузеппе Верди «Риголетто», – сказала красивая дикторша в телике. – Партии исполняли...

Как ни странно, а запомнил и непривычное имя композитора, и название оперы, а также сильные слова про куртизан – исчадья порока. Впрочем, с памятью у него проблем не было, схватывал он на лету.

И вот на землю легла ночь темная, летняя, теплая. Ленчик подскочил: пора. Перед выходом он надел два золотых перстня на натруженные, с черными полосками под ногтями пальцы, так ведь топил углем, который лопатой забрасывал в топку, черная пыль въелась в кожу, как у шахтера. Перстни делались по заказу, золотых гаек с набалдашниками для тростей в магазинах не продавали, а Ленчик хотел, чтоб «печатки» издалики видели. В спортивном костюме, но с «пэрстнями», Ленчик завалил в кабак, покручивая на пальце ключи от «жигуленка» да насвистывая мелодию из только что слышанной оперы.

Никто не сделал ему замечания, мол, что это вы, Леонид, одеты по-домашнему? Гайки на пальцах (каждая граммов по сто) считались верхом достатка, потому о безвкусице и речи вестись не могло в данной среде, ведь там, где золото, – вкусно всегда, но спортивный костюм... А никто не посмел! Приняли его уважительно, за стол усадили, правда, кое-кто воровато по сторонам зыркал, и Ленька понял, в чем дело: Таты не было. Но она же где-то здесь... Ух, снова интуиция, забежав вперед, строила ему ехидные рожи.

Ленчик не бросился на поиски жены, дождался, когда интерес к нему угас, одновременно замечая, как две шестерки из администрации города бегают туда-сюда и беспокоятся, беспокоятся... Нет, не в туалет бегали. Ленчик все понял! Но требовалось убедиться лично, собственными глазами у-ви-деть. Улучив момент, он выскользнул из зала, в холле юркнул за дверь, туда (приметил) ныряли по очереди парни.

Прошел длинный коридор, перед кабинетом директора остановился и прислушался... Почему-то решил, Тата именно там, хотя директор пил водку в зале. Кстати, он-то и психо-

вал, ему не нужен скандал, а у Ленчика на физии написано: «Будьте осторожны, я из Погореловки». Во-вторых, ни одному деляге, а именно эта несознательная (по тем временам) прослойка гуляла, не придет в голову терять ценного поставщика из-за какой-то дуры бабы.

За дверью Леха слышал возню, сопение, мычание и стоны... Но не видел! Видеть! – вот главное, необходимое, жизненно важное условие! Чтоб уж без колебаний...

Выскочив в глухой двор, Ленчик застыл – высокогато. Да разве это преграда? Тем более когда слабый электрический свет в окне обещал полную картину происходящего, всегда найдешь способ туда добраться. В его случае подошел мусорный бак для пищевых отходов с надежной крышкой, Ленчик придвинул его, взобрался и наконец-то...

Кабинет крошечный, в нем не разгуляешься, само собой, и выбор поз крайне мал. Татуля стояла к окну анфас, упираясь ручками о стол, и судорожно хватала ртом воздух при каждом порывистом движении партнера сзади. У нее было отвратительно похотливое лицо озабоченной соитием самки, невидящий взгляд, а платье, которое покупал муж, вырвав у фарцовщиков лучший товар, платье болталось на бедрах. И две груди, которые Ленчик самозабвенно ласкал ночами, когда Тата допускала его к телу, грубо тискал сынок партайгеноссе Гена Белик.

Ленчик не рассматривал обстановку, натюрморт сам собой отпечатался в голове: бутылка армянского коньяка наполовину пустая, две рюмки (одна, упавшая набок), закуски на тарелке, конфеты в коробке. М-да, парочка давно уединилась, в перерывах они потягивали коньяк, слегка утоляли голод, затем утоляли другой голод – известно какой.

Ленчика словно опустили в чан с кипятком, потом – со студеной водой, потом – снова в кипяток... Появилась потребность присесть и переждать, пережить состояние взрыва внутри и полного умирания. Да, так: разрыв всего тела, грохот, осколки и... адский покой, где нет ни земли, ни неба, ни жизни, ни одной божьей твари.

А он отправился в зал. Кто-то услужливо поднес рюмочку, Ленчик отказался, показав ключи от машины, дескать, за рулем я, нельзя. А его и не тянуло залить крах всей своей жизни спиртным, без этого подогрет он был достаточно. Но стоило принять малость, Шатун разгромил бы кабак, и куда попал бы?

Вскоре появилась Тата и... не заметила мужа – куда там заметить, после таких-то трудов! Села она на стул, выжатая, как мочалка, блудливо улыбалась, так же блудливо ее глаза двигались по залу, попадали на мужа, но... Тата его не видела. До него дошло, почему она испугалась, когда он приехал домой: если б муж отправился с ней на банкет, случка не состоялась бы. Но вот и самоуверенный Гена Белик, блондин с синими глазами и сладострастно смазливой рожей, приземлился на соседний стул, взял бутылку...

Ленчик скользнул глазами по лицам и горько усмехнулся. Он ловил на себе опасливые и жалостливые взгляды, значит, для всех этих кабатчиков не новость, куда и зачем уединялись Тата с Беликом. И никто даже намека... Обидно, что Ленчика держали за дурака. Он встал, громко попрощался со всеми, тогда-то жена, наконец, заметила его, а догнала уже у выхода:

– Леонид, подожди!

Честно говоря, он офонарел, когда Тата шла к нему: личико строгое, недовольное, голос отчитывающий:

– Ты в каком виде притащился! Тебе что, надеть нечего? Сам позоришься и меня позо...

Ленчик очень старался переродиться в белую кость и кровь голубую, воспитать в себе аристократа хотя бы духа, раз не тянул портретом. Но какой аристократ не врежет изменнице? Да что там, короли за измену по шее супруги топориком, топориком... Правильно делали! Вот и Ленчик не сдержался. Как дал наотмашь...

Оплеуха сбила Тату с ног, бедняжка проехала по паркету на пятой точке и врезалась в стенку! Инстинктивно она обхватила дурную головушку руками, свернулась в позу эмбриона и не пикнула! Думала, он продолжит колотить ее, на крики сбежится кабацкий люд, она будет посрамлена уже тем, что ее, великолепную и прекрасную, метелит муж как простую бабу. А

Ленчик пошел прочь. Он задыхался от нехватки воздуха, без которого даже рыбы не живут. Вот такая история...

2

В ее состоянии управлять автомобилем – равносильно самоубийству. Когда внутри клочет от гнева, упускаешь из виду то светофор, то дорогу, пару раз Люка чудом избежала столкновения. Она с горем пополам добралась, влетела в дом и – на кухню, но мужчин там не было. Где они? Люка ворвалась в комнату Гектора и Хока, не постучавшись, а они конечно же еще спали. Она сдернула одеяло с Гектора:

– Гек! – Он повернулся на другой бок, зашарил рукой по постели, в это время Люка сорвала одеяло с Хока. – Подъем! Живо встали!

В группе из четырех человек бремя руководителя взял на себя сорокалетний Гектор не как старший по возрасту, а как профессиональный воин в недалеком прошлом. Получился подряд ликвидаторов из бывших спортсменов и военных, ведь Люка в свое время занималась биатлоном. Дожив до первых сединок, Гектор не приобрел ничего, кроме машины седьмой модели и свободы. Но если семерка нужна как средство передвижения, то избыток свободы, прямо скажем, не большое достижение в жизни. Есть у него хрустальная мечта – создать ядро, вокруг него сплотить группу, которой сам черт не страшен, все зависят друг от друга, все связаны между собой. Связаны – значит, ответственны, все в одном кулаке, конечно, в кулаке Гектора.

А пока здесь и сейчас ему не дают насладиться хрустальной мечтой, которая приходит в снах. С маниакальным упорством Люка тормозила мужчин, словно в доме вспыхнул пожар, к тому же угрожала: если сию минуту оба не поднимутся, она выльет на них по ведру воды. С нее станется. После угроз Гектор принял сидячее положение, взглянул на часы и выпятил нижнюю губу:

– Ты что, не ложишься?

– У меня бессонница! – огрызнулась Люка. – И новости.

– А через пару часов нельзя рассказать? – потирая плечи, сонно пробормотал Хок.

– Нет! – рявкнула она. – Через пять минут жду вас на кухне! Не придете – пожалеете!

Сказала и – фрр из комнаты! С собой Люка унесла сгусток отрицательной энергии, которую сменила позитивная тишина, в самый раз упасть на подушку и часиков пять провести с хрустальной мечтой. Между прочим, полноценный отдых способствует качественному перевариванию плохих новостей, а новости, судя по Люке, из ряда вон.

Конечно, Гектор не улегся на кровать, он глянул в сторону Хока, с ухмылкой, кряхтя, опустил ноги на пол и растирал ладонями лицо, заставляя себя избавиться от остатков сонливости. Значит, требованию Люки он решил подчиниться. В редких случаях Гектор позволял ей покомандовать, данный тактический прием давал положительный результат: из мегеры выходил пар, и какое-то время она не демонстрировала строптивость.

Когда они пришли на кухню, керамические кружки уже дымились на столе, сама же Люка стояла у окна, держа в одной руке сигарету, в другой – кофе. Мужчин она не удостоила ни взглядом, ни поворотом головы (хотя бы), оба вынуждены были любоваться ее спиной и тугим задом, обтянутым короткой трикотажной юбкой. А это уже вызов. Гектор не терпел пренебрежительного отношения к себе и не упускал случая поучить «распоясавшийся личный состав» уважительности. Однако сегодня он не стал учить ее уму-разуму, уселся за стол, громко размешивая сахар в кружке, на спокойной ноте сказал:

– Мы слушаем тебя.

– Гек, ты знал, кого мы валим?

О, Люка взяла тон начальника колонии для несовершеннолетних, Гектор, напротив, оставался хладнокровным и миролюбивым:

– А в чем дело?

– Повторяю... – Наконец она развернулась к нему, уставилась в глаза, свирепая, как незнамо кто! – Ты знал, кого нам заказали?.. Молчишь?.. Значит, знал. Знал и не сказал нам!

Почувяв надвигающуюся грозу, тем более молнии из глаз Люка метала беспрерывно, Хок поднялся со своего стула, призывая к миру:

– Люка, Люка...

– Что?! – взревела она, ахнув кружкой по столу.

Кружечка – надвое! Остатки кофе растеклись по пластиковой столешнице грязными потеками с мелкими крупинками. Чтоб окончательно не потерять контроль, Люка отошла к окну и смачно задыхалась, ну прямо как пробудившийся вулкан.

– Спасибо, что не по голове, – индифферентно промямлил Гектор, глядя на кофейную кашку.

Он человек мощного сложения, следовательно, как бы ни бунтовала Люка, сила на его стороне. Не только физическая. По лицу с крупными и не притягательными чертами, которые бросались в глаза из-за отсутствия прически (волосы у него стрижены коротко, как у эка), любой без труда прочтет, что и морально Гектор способен раздавить. Его спокойствие напугало Хока, следовало остудить Люку, пока она не получила заслуженную оплеуху:

– Чего ты разоралась? Можешь нормально объяснить, что произошло?

– Могу! – К сожалению, ее состояние не поддавалось охлаждению. – Мне не спалось, я как чувствовала, что у нас большие проблемы. Поехала на рынок за продуктами, а там одна молочница другой молочнице, стоя за прилавком и разливая молоко, рассказывала, что у них в деревне прокуроршу завали... то есть застрелили. Значит, Гек, ты знал, что нам поручено завалить прокуроршу...

– Ну, узнала теперь и ты, что из того? – произнес он с показным равнодушием.

– Как – что?! – взмахнула руками Люка, хохотнула не без издевки, в следующее мгновение зло процедила: – Никогда – слышишь? – никогда я не пошла бы на прокуроршу, следака и даже полиция!

Внезапно Гектор выбросил руку, а в следующий миг Люка не только оборвала гневный монолог, ее как будто срезали саблей, она плюхнулась на стул. Только через паузу Хок заметил, что Гектор сжимает в своей лапище кисть ее руки, он-то и усадил Люку.

– А теперь меня послушай, родная! – внушительно сказал он. Она попыталась вырваться, однако Гектор гаркнул так, что в ушах зазвенело: – Сидеть! У меня правило: заказ – аванс – работа – бабки. Все! Ты что же, думала, сто косарей вечнозеленых за пенсионерку тетю Глашу отвалит? Не, дорогуша, тетя Глаша не потянет и на штуку рублей.

– Никакие деньги меня не приманили бы, – не унималась упрямец. – Потому что за своих они землю вспашут и найдут нас...

– А, ты хочешь за десятку валить мужей, с которыми жены не хотят делить квартиры?

– По крайней мере, риск меньше! Не люблю глупо рисковать.

– Как раз на десятке ты быстрее попадешься.

– Пока попался Аник, – прорычала Люка, вырвав все же руку, на запястье которой остались белые пятна от пальцев Гектора. – Если б он знал, что ищет прокуроршу, поостерегся и сейчас был бы с нами!

– Выходит, я виноват?

Еще чуть-чуть, и конфликт станет необратимым. Хок, обычно предпочитавший не вмешиваться в споры, решительно ударил ладонями по столу:

– Может, перейдем на мирные рельсы? Люка... Гек... Что сделано, то сделано, Ана не вернешь. Нужно срочно забрать бабки и дергать отсюда.

К его радости, Люка прикусила язык, взяла сигарету и нервно защелкала зажигалкой. Закурил и Гектор, но, сделав всего пару глубоких затяжек, вдруг загасил сигарету и двинул на выход:

– Я за бабками. Никуда не выходите.

Оба слышали, как он выехал со двора, закрыл ворота, скрипят и лязгают они – услышишь за закрытыми ставнями, а форточка была открыта, ведь на дворе стояло великолепное солнечное утро. Правда, весенний воздух, быстро вытеснивший сигаретный дым, теплым не назовешь, оттого Люка ежилась, докуривая сигарету. Потом она закрыла форточку и осталась стоять, глядя в окно. Хок понимал ее состояние: ночью дело вышло из-под контроля, застреленный Аник остался там изуродованным трупом, брошенным соратниками, как сломанный прибор на свалке. Кто хотел бы очутиться на его месте? Например, Хок остаток ночи провел на пару с кошмаром, он видел себя лежащим под дверью на третьем этаже особняка...

Будто бы это его застрелила та тетка, но он не умер вопреки логике, все ощущения с пониманием остались. Хок слышит и видит все: как Люка не может заглянуть за перегородку, боясь пуль; как тетка палит из пистолета вроде бы наугад, но проход надежно держит под пулями; как на выстрелы прибежал Гектор, выдержал паузу, на слух вычисляя местоположение тетки, и, когда жертва меняла обойму, он одновременно с Люкой... Хок все видит, а встать не может, даже пальцем пошевелить не получается. Наконец тетка охнула, и стало тихо. Итак, все кончено. Шаги... Это подошел скорым шагом Гек, присел у тела, распростертого на полу. Хоку хочется сказать, что он видит его, что с ним полный порядок, а не может. Словно они очутились в других мирах, которые тесно соприкасаются, но невидимую границу ни одному из них уже не пробить. Вдруг Гектор берет его и переворачивает лицом вниз, значит, собрался забрать Хока с собой, ему удобней с этого положения тела забросить безжизненную руку на свои плечи. И Хок радуется. Выходит, Гек все про него понял: он живой, ему нужно время, чтоб снова стать таким же, как был... **Но раздается выстрел! И пуля...** пуля проламывает затылок, пронзает мозг, натыкается на преграды, меняет курс и разбивает лицо. Хок чувствует и слышит, как в пол вонзаются его раздробленные кости...

Эти жуткие фантазии вызвали у него тошноту, которая поднималась от солнечного сплетения и надолго разливалась в горле неприятным сладковатым привкусом. Да и липкий пот покрывал спину, через минуту он леденил тело, как на холоде, а картина того, что произошло в особняке, не уходила. Меньше всего сейчас хотел бы Хок остаться один, меньше всего. Он приблизился к Люке, взял ее за плечи... Она тоже погрузилась глубоко в себя, наверное, думая о том же, потому вздрогнула от прикосновения.

– Знаешь, мне почему-то страшно, – поделилась она мыслями, повернувшись к нему лицом. Но что интересно – тональность Люки вовсе не соответствовала тому, о чем она говорила, то есть страху. – До вчерашнего вечера я не боялась, а сегодня... боюсь. Нелепость состоит в том, что я не знаю, кого или чего боюсь. Просто страшно, и все... Знаешь, неприятно так...

И это говорит отважная Люка! С изумлением он увидел в серо-голубых глазах и панику, и растерянность, ему казалось, эти напасти ей незнакомы. Она всегда выглядела бесстрашной, решительной, эдакой леди из стали и льда. Кстати, от распространенной клички Леди Люка отказалась, считая, что не относится к уголовной прослойке, где это прозвище-помело стало модным. Кличку дала себе сама, в сущности, придумывать не пришлось, она взяла от имени и фамилии по две начальные буквы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.